

Кн. Г. М. Тумановъ.

Характеристики

== и ==

2

воспоминанія.

КНИГА ВТОРАЯ.

ТИФЛИСЬ.

Тип. Т-ва „Трудъ“, Михайловская, 97.
1905.

ՀԱՐԱՅՆՆԱԿ
ԶՈՅՆՈՒԹՅՈՒՆ

Հայաստանի Հանրապետության
Մշակույթի նախարարություն

ՎԵՐՈՒՄ ԵՐԱՅԵՐ

Дозволено цензурою 13 апрѣля 1905 г.

124203

130/64

Въ настоящую книжку, какъ и въ первую, изданную въ 1901 г., входятъ наброски, ранѣе печатавшіеся мною преимущественно въ газетѣ «Новое Обозрѣніе» и затѣмъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, дополненные и исправленные *).

Предлагаемые очерки касаются нѣкоторыхъ кавказскихъ дѣятелей, преимущественно тѣхъ изъ нихъ, работа которыхъ въ свое время недостаточно была оцѣнена обществомъ и печатью. То, что удалось имъ сдѣлать, несмотря на массу неблагоприятныхъ условій, —

*) Впервые здѣсь печатаются лишь 2-я и 3-я главы въ очеркѣ „Изъ театральныхъ воспоминаній“ и очеркѣ о Величко. Статья „Итоги недавняго кавказскаго управленія“ была помѣщена въ „Вѣсти. Евр.“ (февр. книжка 1905 г.).

не должно, по моему мнѣнію, быть забыто, такъ какъ оно поучительно и имѣеть существенное значеніе для нашей общественной жизни и литературы.

Рѣшаюсь предложить вниманію читателей эти летучія замѣтки лишь потому, что до сихъ поръ не было никѣмъ предпринято болѣе обстоятельной работы въ этой области.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ИСТОРИИ ИСКУССТВ

Ив. Ив. Свѣдѣнцовъ

(Ивановичъ).

Было время, когда лучшіе русскіе писатели жили на Кавказѣ и интересовались Кавказомъ. Они увлекались нашимъ краемъ, посвящали ему лучшія свои произведенія (Марлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ и др.). Это было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, во время горской войны.

Съ шестидесятыхъ же годовъ наиболѣе выдающіеся русскіе писатели получаютъ возможность спуститься съ неба на землю, съ очаровательныхъ кавказскихъ горъ на голыя родныя равнины и даютъ очерки внутренней русской жизни. Если кто-нибудь изъ нихъ на Кавказъ и пріѣзжалъ, то касался его въ своихъ произведеніяхъ лишь мимоходомъ (Глѣбъ Успенскій, М. Горькій) или преображался изъ писателя въ полицейскаго чиновника (Величко). Пріятнымъ исключеніемъ

былъ Ив. Ив. Свѣдѣнцовъ, русскій беллетристъ, болѣе извѣстный какъ неустанный газетный вояка Ивановичъ. Онъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію шестидесятыхъ годовъ. Поколѣніе это дало Писарева, Михайловскаго, Миртова (автора „Историческихъ писемъ“) и др.; а въ романахъ—типы Рахметовыхъ, Базаровыхъ, Щетининыхъ и др. Это было время выработки „критически мыслящей личности“, время кающихся дворянъ. Это время наложило печать на Ивановича, можно сказать, на всю жизнь.

Свѣдѣнцовъ родился въ 1842 году, воспитывался въ нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ. По окончаніи курса въ послѣднемъ Ив. Ив. поступилъ на военную службу, во 2-ой гренадерскій стрѣлковый батальонъ; въ 1865 году покойный былъ принятъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, по окончаніи курса которой послѣдовательно занималъ разныя должности по генеральному штабу въ во-

сточно - сибирскомъ, варшавскомъ и одесскомъ округахъ. Въ 1873 г. Ив. вышелъ въ отставку и посвятилъ себя литературной дѣятельности, принимая участіе въ лучшихъ журналахъ своего времени. Неподдѣльный юморъ, любовь къ обиженнымъ судьбой людямъ, горячее стремленіе къ чистымъ идеаламъ юности, живой, образный языкъ—были отличительными чертами произведеній Ивановича, и всякій отзывчивый читатель, разъ прочитавшій его, становился навсегда его другомъ.

Даже Михайловскій, который не былъ высокаго мнѣнія о художественномъ талантѣ Свѣдѣнцова, признавалъ, что у послѣдняго было то, чего, по мнѣнію Тургенева, недоставало у писателей 60-хъ и 70-хъ гг., а именно: „выдумка“. Свѣдѣнцовъ, по словамъ Михайловскаго, словно ставилъ своихъ героевъ на шахматную доску и двигалъ ихъ съ неумолимой систематичностью *).

*) „Русск. Бог.“, № IX 1901 г.

Это качество дѣлало рассказы Свѣдѣнцова чрезвычайно занимательными и они много читались большой публикой. Они печатались въ лучшихъ журналахъ: „Отеч. Зап.“, время Салтыкова, „Вѣстн. Евр.“, „Русской Мысли“, „Мірѣ Бож.“ и пр., а затѣмъ, изданные отдѣльными книжками, встрѣтили одобрителльные отзывы критики.

Но Свѣдѣнцовъ занимался литературой только урывками. Живя большею частью въ глухой провинціи, находясь въ ссылкѣ (административной), вдали отъ большихъ періодическихъ изданій, нуждаясь въ скоромъ заработкѣ, онъ былъ часто вынуждаемъ обстоятельствами бросать перо и браться за стороннюю работу: служилъ въ земствѣ и занимался статистикой, служилъ въ банкѣ и на желѣзной дорогѣ, давалъ уроки и пр. Возвращаясь къ литературѣ, онъ предавался иногда публицистической дѣятельности. Писалъ онъ статьи о текущихъ общественныхъ вопросахъ горячо, съ знаніемъ дѣла и съ запасомъ оригиналь-

ныхъ и всегда передовыхъ идей. Но публицистическія статьи все же были единственной сферой для проявленія всего его таланта, и онъ часто выступалъ въ качествѣ беллетриста.

Г. Скабичевскій *), разбиравшій его беллетристическія произведенія, согласенъ съ другими, что покойный писатель не представлялъ собой крупной литературной силы, но, тѣмъ не менѣе, находить, что

у этого маленькаго писателя была крупная душа, а въ груди его билось горячее сердце, и какъ то, такъ и другое столь ярко и тепло отражаются въ каждой строкѣ писателя, что произведенія его, несмотря на всѣ свои эстетическіе недостатки, читаются съ тѣмъ живымъ удовольствіемъ и пользою, съ какими вы слушаете рѣчи умнаго, бывалаго и въ высшей степени симпатичнаго человѣка; они невольно влекутъ васъ къ себѣ, будятъ въ васъ лучшіе инстинкты,—и этимъ однимъ уже Свѣднцовъ заслуживаетъ доброй о себѣ памяти.

Но почему критикъ не признаетъ

*) См. „Русскую Мысль“, 1901 года, № VIII.

за произведеніями Ивановича-Свѣдн-
цова эстетическихъ достоинствъ.

Конечно,—говорить г. Скабичевскій,—
если при оцѣнкѣ Свѣднцова мы вооружим-
ся однимъ эстетическимъ масштабомъ, у
насъ получится рядъ отрицательныхъ су-
жденій. У Свѣднцова лица по большей
части шаблонны, не столько живые люди,
сколько отвлеченныя категоріи.

Мы не согласны съ почтеннымъ
критикомъ. Ивановичъ-Свѣднцовъ въ
своихъ повѣстяхъ всегда выводилъ
живыхъ людей и писалъ живымъ, об-
разнымъ языкомъ; слѣдовательно, его
произведенія не могли быть лишены
художественныхъ достоинствъ.

Впрочемъ, предоставимъ самому
г. Скабичевскому опровергнуть свое
замѣчаніе. Относя Ивановича-Свѣдн-
цова къ той школѣ беллетристовъ 60-хъ
годовъ, которые изображали положи-
тельные типы (Шеллеръ, Гирсъ, Ому-
левскій, Марко-Вовчокъ, Куцевскій,
Крестовскій-псевдонимъ и др.), кри-
тикъ замѣчаетъ:

Главное отличіе Свѣднцова отъ всѣхъ
писателей одной съ нимъ школы заключа-

ется именно въ томъ, что, выставляя въ своихъ разсказахъ рядъ положительныхъ типовъ, хорошихъ людей своего времени, онъ чуждъ малѣйшаго романтическаго пошиба. Герои его являются отнюдь не отличающимися отъ всей окружающей ихъ среды „избранными натурами“, специально созданными для того, чтобы совершать необыкновенные подвиги, доступные лишь людямъ, одареннымъ гигантскими силами. Ничуть не бывало.

Такимъ образомъ, по г. Скабичевскому, съ одной стороны, лица у Иванова „по большей части шаблонны, не столько живые люди, сколько отвлеченныя категоріи“; съ другой стороны, герои у того же Иванова не „избранныя натуры“, специально созданныя для того, чтобы „совершать необыкновенные подвиги“, а живые люди, выхваченные изъ живой дѣйствительности. Получается явное противорѣчіе.

Жизненность произведеній Иванова-Свѣдѣцова г. Скабичевскій объясняетъ тѣмъ, что онъ былъ не кабинетнымъ писателемъ, а „вѣчнымъ скитальцемъ, котораго судьба до самой

смерти гнала изъ города въ городъ, отъ одной профессіи къ другой. Слѣдовательно, матеріаль для своихъ произведеній писатель черпалъ прямо изъ жизни.

Но мало ли среди нашей пишущей братіи вѣчныхъ скитальцевъ, издавшихъ въ своей жизни всякіе виды? Изъ нихъ выходятъ бойкіе репортеры, корреспонденты, фельетонисты и даже беллетристы, но впечатлѣніе отъ ихъ писаній мимолетное, не глубокое, такъ какъ видѣть многое не значить еще уловить въ своихъ наблюденіяхъ многое.

Даже имѣя даръ тонкой наблюдательности, можно быть плохимъ писателемъ, такъ какъ, помимо всего, нужно обладать еще талантомъ живого, образнаго изложенія. Мы уже не говоримъ здѣсь о той важной роли, которую играетъ во всякомъ художественномъ произведеніи чувство мѣры и чутье художественной правды.

Всѣми этими качествами, драгоценными для художника, обладалъ Ива-

новичъ-Свѣдѣнцовъ, по признанію сего
 г. Скабичевского, какъ дѣлъ читатель по вышеприведеннымъ
 цитатамъ изъ его статьи. Но мы при-
 ведемъ еще одно мѣсто изъ статьи
 г. Скабичевского, которое также ука-
 зываетъ на художественное достоин-
 ство рассказовъ Ивановича.

Въ то время какъ добродѣтельные герои
 являются у г. Свѣдѣнцова отнюдь не во-
 площенными ангелами, какъ мы только-что
 говорили объ этомъ, въ свою очередь, и
 отрицательныя лица рассказовъ нисколько не
 напоминаютъ собою страшныхъ чудовищъ,
 изрыгающихъ изъ пастей одно только ад-
 ское пламя.

Если имя Ивановича менѣе из-
 вѣстно въ печати и публикѣ, чѣмъ
 имя Шеллера, Крестовскаго-псевдо-
 нимъ, Кущевскаго и др., то не пото-
 му, что произведенія перваго по силѣ
 творчества уступали произведеніямъ
 послѣднихъ, а по слѣдующимъ, какъ
 намъ кажется, причинамъ. Ивановичъ
 не написалъ ни одного крупнаго по
 сюжету и объему произведенія. Это,
 большею частью, небольшіе рассказы,

притомъ появлявшіеся съ большими интервалами. А когда нашелся издатель, который выпустилъ ихъ въ отдѣльныхъ книгахъ, то они не получили широкаго распространенія въ публикѣ. Не были они допущены въ библіотеки и не попали даже во многіе крупныя книжныя магазины. Словомъ, Ивановичъ былъ неудачникъ не только въ жизни, но и въ литературѣ, несмотря на свой выдающійся талантъ и нравственныя качества.

Послѣдній періодъ своей жизни Свѣдѣнцовъ прожилъ въ Тифлисѣ, гдѣ жила и его пріемная дочь, вышедшая замужъ за г. Александровскаго, служившаго въ управленіи заважк. жел. дорогъ. Здѣсь же Свѣдѣнцовъ скончался 14-го марта 1901 г., отъ кровоизліянія изъ горла, на 59-мъ году жизни.

Свѣдѣнцовъ писалъ въ „Нов. Об.“ съ 1895 г. Онъ помѣщалъ тамъ воскресныя фельетоны — „Дневникъ хорошаго чело-вѣка“, горько иронизируя надъ инертностью и безпомощностью современ-

ныхъ интеллигентовъ. Въ то же время онъ писалъ изрѣдка передовыя статьи (наприм., о судѣ присяжныхъ). Но его сотрудничество его въ этомъ году продолжалось недолго. Онъ не былъ еще близко знакомъ съ мѣстными нуждами и предпочиталъ писать по общимъ вопросамъ въ столичныхъ и приволжскихъ изданіяхъ. Но въ концѣ 1897 г. Свѣдѣнцовъ возобновилъ свое сотрудничество въ „Новомъ Обозрѣніи“ и въ теченіе двухъ лѣтъ писалъ почти ежедневно: онъ появлялся во всѣхъ отдѣлахъ газеты и всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ: воскресные фельетоны на злобы дня, ежедневный маленький фельетонъ „Калейдоскопъ“, рассказы, иногда передовыя статьи, корреспонденціи, библиографич. замѣтки, журнальныя обозрѣнія, обзоръ печати и пр. и пр.

Почти одновременно онъ писалъ въ „Вѣстн. Евр.“, „Русск. Бог.“, „Нов. Сл.“, „Пет. Вѣд.“, „Сынъ Отеч.“, „Русск. Вѣд.“ и другихъ столичныхъ изданіяхъ преимущественно статьи публи-

пистического характера, посвящен-
 ный опять-таки кавказскимъ ^{дѣламъ} ~~дѣламъ~~ ^{дѣламъ} ~~дѣламъ~~ ^{дѣламъ} ~~дѣламъ~~
 дня.

Изъ этихъ статей наибольшее впечатлѣніе произвели слѣдующія: въ „Русск. Бог.“, №№ 4 и 6 1899 г.— „Письма съ Кавказа“, подписанныя псевдонимомъ „Кавказецъ“, и о переселенческомъ вопросѣ на Кавказѣ— въ „Вѣстн. Евр.“, 1900 г., № 4.

Въ первомъ „Письмѣ съ Кавказа“, Свѣдѣнцовъ, посредствомъ искуснаго подбора цитатъ изъ кавказскихъ газетъ, развиваетъ мысль, что кавказскіе разбои являются отчасти результатомъ многочисленныхъ злоупотребленій со стороны низшихъ чиновъ полиціи, отчасти же преувеличены послѣднею. Въ слѣдующемъ письмѣ Свѣдѣнцовъ знакомитъ русскихъ читателей съ тѣмъ гнетомъ, подѣ которымъ приходилось тогда работать кавказской печати. Тутъ же авторъ передаетъ содержаніе интересной записки кутанскаго дворянства о необходимости введенія на Кавказѣ суда присяжныхъ.

Въ статьѣ о переселенческомъ во-
просѣ („Вѣстн. Евр.“) Свѣдѣнцевъ
отмѣчаетъ, какъ мѣстная кавказская
бюрократія того времени выказывала
лишь внѣшнее сочувствіе къ пересе-
ленцамъ и ради карьеризма селила ихъ
въ нездоровыхъ мѣстностяхъ края, об-
рекая ихъ на неминуемую гибель.

Эта статья казалась псевдонатріо-
тамъ чуть не преступленіемъ противъ
отечества и народа. Между тѣмъ какъ
она была продиктована именно горя-
чею любовью къ народу, какъ и все,
что выходило изъ подъ пера этого ис-
кренняго народника.

Съ Ив. Ив. я познакомился въ
1895 г., т. е. когда ему уже было за
50 лѣтъ и онъ успѣлъ написать луч-
шія изъ своихъ беллетристическихъ
произведеній. Но въ немъ все еще
дѣржалась чисто юношеская бодрость
духа и горячая преданность своимъ
идеаламъ. Это настроеніе какъ нельзя
лучше отражалось и въ писаніяхъ по-
койнаго. Читатели, которые заинтере-
совались личностью любимаго автора и

знакомились съ нимъ, немного ^{были} разочаровываемы, когда видѣли ^{передъ} собой не полнаго жизнью юношу, а сгорбившагося пожилого человѣка. Это, однако, сглаживалось очень скоро, при бесѣдѣ съ нимъ. Свѣтящіяся жизнью глаза, веселое настроеніе, добродушіе и необычайная искренность скоро опять заставляли забывать о возрастѣ собесѣдника.

Эта веселость и добродушіе, однако, не мѣшали быть Ив. Ив. ригористомъ чистой воды. Онъ одинаково былъ строгъ какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ. Составивъ себѣ вполне опредѣленный кодексъ суровой морали, онъ неуклонно слѣдовалъ ему при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и по внѣшности, Ив. Ив. былъ очень похожъ на покойнаго редактора „Врача“ проф. Манассейна. Недаромъ ихъ такъ часто выбирали товарищи въ „судьи чести“.

Этотъ ригоризмъ Ив. Ив. считалъ великимъ рычагомъ для развитія въ нашемъ обществѣ самосознанія.

Я помню, наприм., такой разговор свой съ нимъ, нашедшій отъ него и въ его статьяхъ.

„Много безобразій происходитъ,— говорилъ онъ,—отъ нашей безхарактерности и безалаберности. Умѣй мы отстаивать свои законныя права, произволь сократился бы у насъ самъ собой. Представьте себѣ такой случай. Вы ѣдете по желѣзной дорогѣ, но не находите мѣста въ вагонѣ. Явленіе это безобразное, но какъ будто неустранимое. Оно безъ конца повторяется. Отчего? Оттого, что мы не умѣемъ отстаивать свое право, право пассажира, имѣть за купленный билетъ вполне опредѣленное мѣсто въ вагонѣ. Въ Европѣ умѣютъ отстаивать себя. Если бы пассажиръ остался тамъ безъ мѣста, несмотря на купленный имъ билетъ,—онъ пожаловался бы въ судъ на это безобразіе. Судъ наказалъ бы виновныхъ разъ, два, три, а затѣмъ появились бы мѣста въ вагонахъ для всѣхъ платныхъ пассажировъ. Такимъ образомъ, обращеніе къ законной охра-

нѣ своихъ правъ доставило бы удобство всему населенію.“

Это отстаиваніе чело-
 правъ дѣлало покойнаго въ наше без-
 временье чрезвычайно симпатичнымъ
 въ глазахъ читателя, ищущаго въ ли-
 тературѣ не пустое развлеченіе, а об-
 щественно-нравственные идеалы.

Писанія Ивановича имѣли именно
 нравственное значеніе. Никого не нуж-
 но благодарить, говорилъ онъ, потому
 что всякій долженъ дѣлать то, что
 долгъ ему велитъ и что совѣсть под-
 сказываетъ. Никому не нужно гово-
 рить „ты“, такъ какъ этимъ оскорбля-
 емъ мы въ ближнемъ его чело-
 вѣческое достоинство.

Ивановича кто-то удачно называлъ
 учителемъ правды. Онъ именно былъ
 учителемъ для своихъ читателей.

Въ то время дворянство Тифлис-
 ской губерніи знакомилось съ мѣст-
 нымъ земскимъ хозяйствомъ. Нелегко
 было новичку разобраться въ лаби-
 ринтѣ цифръ своеобразной закавказ-
 ской земской смѣты. Зная, что Ива-

новичъ когда-то занимался статистикой въ земскихъ учрежденіяхъ внутреннихъ губерній, я обратился къ нему за содѣйствіемъ. Покойный былъ привычный человѣкъ съ цифрами, да и съ земскимъ хозяйствомъ былъ знакомъ довольно близко. И вотъ онъ съ охотой взялся быть для меня комментаторомъ. Работа наша длилась почти съ мѣсяць и эта работа сблизила насъ. Сблизила насъ, собственно говоря, въ воззрѣніяхъ на общественные вопросы, но личнаго сближенія было мало, такъ какъ онъ не любилъ говорить о себѣ, о своей настоящей и прошлой жизни, какъ не любилъ разспрашивать другихъ объ ихъ личной жизни. Впослѣдствіи, когда Ив. возобновилъ свое сотрудничество въ „Новомъ Обозрѣніи“, я съ нимъ встрѣчался почти ежедневно въ теченіе двухъ лѣтъ, и я все-таки почти ничего не зналъ, да и теперь очень мало знаю объ его личной жизни. О томъ, что онъ состоялъ на военной службѣ и кончилъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба—я впер-

вые узналъ вмѣстѣ съ читателями въ печатнаго некролога. Изъ его слабостей зналъ я одну—слабость къ музыкѣ, которую онъ не только любилъ, но и хорошо понималъ. О томъ, что онъ—съ академическимъ образованіемъ, не зналъ не только я, но и многіе изъ его близкихъ знакомыхъ. Какой контрастъ представляетъ эта скромность Ивановича съ нескромностью его противниковъ. Одинъ изъ „милыхъ поэтовъ“—В. Л. Величко, особенно усердно клеветавшій на покойнаго, чуть не ежедневно трубилъ и читателямъ, и знакомымъ, что онъ не простой смертный, а юристъ, и не обыкновенный юристъ, а правовѣдъ. И это слово склонялось безчисленное множество разъ.

Близкое сотрудничество Ивановича въ „Нов. Об.“ началось въ интересный моментъ.

Весной 1897 г. были произведены въ Тифлисѣ городскіе выборы. Они еще болѣе обострили національную рознь въ нашемъ краѣ, замѣчавшуюся

и ранѣе. Нѣкоторые публицисты, воспользовавшись выборами, очень усердно наигрывали на стрункѣ національной исключительности. Это было собственно поводомъ къ пропагандѣ недовѣрія къ общественному самоуправленію. „Нов. Обзор.“ рѣшило плыть противъ этого реакціоннаго теченія и отстаивать предоставленныя закономъ права самоуправленія, права мѣстныхъ народностей. Poleмика принимала все болѣе и болѣе острый характеръ. Борьба велась изо дня въ день и ожесточенная. Къ концу 1897 г. подоспѣлъ къ намъ Ивановичъ и его первая статья „Литературные мертвецы“, появившаяся сейчасъ послѣ аналогичныхъ статей гг. Лали и Зурбишвили, была настоящимъ громомъ, разразившимся надъ нашими литературными противниками. У возражавшихъ языкъ заплетался, такъ какъ они все еще находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ нанесенныхъ имъ ударовъ.

Послѣ того Ивановичъ появлялся

въ „Нов. Об.“ очень часто. Онъ былъ необыкновенно плодовитъ и не устава я писалъ днемъ и ночью. И во всей этой работѣ не было ничего шаблоннаго и ремесленнаго. Онъ, этотъ 56-лѣтній старикъ, отдался весь увлеченію борьбы и работалъ, какъ работаютъ только юноши.

А борьба была тяжелая! Приходилось вести войну на два фронта. Съ одной стороны съ литературными чело-вѣконенавистниками и армянофоба-ми, а съ другой—съ мѣстной плуто-кратіей и ея представителями въ са-моуправленіи, дававшими обильный матеріаль для обвиненій—чело-вѣконе-навистникамъ и армянофобамъ. И борь-ба велась не напрасно.

Одного не могу не отмѣтить въ манерѣ полемики Ивановича. Это—полнаго отсутствія личныхъ выходокъ по адресу противника; въ его писаніяхъ вы не встрѣтите обвиненія противни-ка въ корыстныхъ цѣляхъ, если эти цѣли сами по себѣ не били въ носъ, обвиненія въ мести и изменныхъ по-

бужденіяхъ. Совсѣмъ иначе относились къ нему эти самыя литературныя противники. Въ полемикѣ ихъ не было ничего литературнаго. Они слышали обвиненіями или въ неблагонадежности, или продажности армянамъ. Эти обвиненія въ Ивановичѣ вызывали только чувство омерзѣнія и онъ считалъ ниже своего достоинства оправдываться. Одинъ изъ полемизаторовъ, для пущей храбрости, полѣзъ даже въ Союзъ писателей съ жалобой на фельетонъ Ивановича. Но и тутъ Ивановичъ не считалъ нужнымъ нарушить свое молчаніе.

„Пусть укажутъ конкретныя факты, а не ограничиваются инсинуаціями!“—говорилъ онъ.

Другіе сотрудники „Нов. Об.“, въ томъ числѣ и я, кипятились изъ-за безсовѣстной манеры полемики, но Ивановичъ былъ невозмутимъ. Онъ совѣтовалъ на всѣ личныя выходки отвѣчать только презрительнымъ молчаніемъ. Я тогда не былъ согласенъ. Но теперь признаюсь, что Ивановичъ

былъ правъ. Ему незачѣмъ было возражать, такъ какъ статьи Иванова сами по себѣ оправдывали его. Онъ въ своихъ статьяхъ также мало шадилъ армянскую плутократію, какъ и ея несправедливыхъ враговъ. Это ли не было лучшее доказательство безпристрастія покойнаго писателя?

Что его уважали не только армяне, но и русскіе, и грузины, и мусульмане, — доказали похороны.

Вотъ вѣнокъ отъ г. Топчибашева, редактора „Каспія“, вотъ вѣнокъ отъ передовыхъ грузинскихъ дѣятелей, вотъ высокопоставленный русскій чиновникъ, вотъ титулованный грузинъ. Всѣхъ ихъ я видѣлъ на похоронахъ.

Кстати, два слова о похоронахъ. Они были такъ же скромны, какимъ былъ всю жизнь самъ Ивановичъ. Было нѣсколько простенькихъ вѣнковъ безъ пышныхъ надписей въ стихахъ, а рѣчей вовсе не было. Высокопарное надгробное слово явилось бы диссонансомъ въ общемъ тонѣ погребаль-

ной процессии; пришлось бы вспомнить стихи Добролюбова:

Пускай умру—печали мало,
 Одно страшить мой умъ больной,
 Чтобы и смерть не разыграла,
 Обидной шутки надо мной.
 Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ тру-
 помъ

Не пролилось горячихъ слезъ,
 Чтобъ кто-нибудь въ усерды глу-
 помъ

На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.

Слава Богу, эти опасенія оказа-
 лись излишними.

Еще до своей смерти Ивановичъ
 вынужденъ былъ отказаться отъ лю-
 бимой своей работы—работы въ мѣ-
 стной газетѣ. Ему не пришлось про-
 работать въ „Новомъ Обозрѣнн“ съ
 увлеченіемъ 1½ года, какъ я, въ ка-
 чествѣ редактора этой газеты, полу-
 чилъ серьезное предостереженіе. Цен-
 зоръ очень недвусмысленно замѣтилъ
 мнѣ, что статьи Ивановича о пересе-
 ленцахъ и пр. рѣзко идутъ въ раз-
 рѣзъ съ правительственными видами.
 Я просилъ Ивановича принять это къ

ждали его враги среди бюрократіи во главѣ съ Величко. Когда Величко какъ-то задѣлъ въ фельетонѣ какого-то пристава и за это получилъ нахлобучку отъ начальника губерніи, то въ свое оправданіе сослался на фельетонъ Ивановича. „Вы въ ужасъ приходите отъ моихъ нападокъ на полицію,—оправдывался Величко,—а не замѣчаете, какъ у васъ подъ носомъ Ивановичъ ругаетъ все русское чиновничество!“ Тутъ только администрація замѣтила весь ужасъ своего положенія. *Армянская* газета (такъ называлось „Новое Обозрѣніе“, въ виду того, что оно издавалось лицомъ армянскаго происхожденія) ругаетъ *русское* чиновничество и цензура это допускаетъ! Ату ее! Въ результатѣ получилось пріостановка газеты на цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ! Пріостановка передъ самой подпиской! Читатели остались безъ своей газеты, а работники редакціи безъ заработка.

За что? неужели за то, что Ивановичъ подсмѣивался надъ бюрокра-

тѣей, надъ „людьми двадцатаго числа“? но вѣдь это дозволялось еще въ 1864 году за 60 лѣтъ до того. Нѣтъ, что-то не такъ, думалъ я и энергично сталъ выискивать дѣйствительныя причины постигшей газету тяжелой кары. Фельетонистъ въ инкриминируемой статьѣ въ примѣръ приводилъ какого-то юрודиваго Егора. Ужъ не имѣлъ ли онъ въ виду одно важное лицо въ Тифлисѣ?—замѣчали нѣкоторые проницательные читатели.

Я пошелъ въ канцелярію начальника края узнать о дѣйствительной причинѣ разгрома газеты. Директоръ канцеляріи, покойный Сандрыгаило сообщилъ мнѣ, что начальнику края не нравится, что газета часто пишетъ о разбояхъ (а если они въ дѣйствительности часто случаются?) и притомъ сообщаются неprovѣренныя свѣдѣнія. Противъ послѣдняго замѣчанія я протестовалъ и просилъ указать конкретные случаи. Директоръ указалъ, а я возразилъ, что обо всѣхъ этихъ случаяхъ ранѣе писалось въ другихъ га-

зетахъ и это не вызвало опроверженія отъ правительства, почему „Нов. Об.“ въ правѣ было повѣрить имъ. Но это возраженіе не убѣдило ни въ чемъ директора и онъ отказался хлопотать о смягченіи кары. Досталось и цензору. За попустительство въ отношеніи „Нов. Обозр.“, какъ равно и въ отношеніи другихъ газетъ, онъ былъ переведенъ на другое, низшее мѣсто.

Послѣ того я познакомился съ тѣмъ, что происходило въ засѣданіи совѣта главноначальствующаго при наложеніи кары на „Нов. Об.“. Въ упрекъ газетѣ были поставлены помѣщеніе фельетоновъ Ивановича, а также проведеніе идеи о необходимости для края высшаго учебнаго заведенія (!), земскихъ учрежденій и суда присяжныхъ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Какъ бы то ни было, послѣ этого скандала, въ возобновленномъ „Нов. Об.“ въ слѣдующемъ году Ивановичъ

уже не могъ печататься. Онъ писалъ исключительно для столичныхъ изданий и „Кавк. В.“ (помѣстилъ одинъ рассказъ). Но и тамъ его преслѣдовали цензурныя затрудненія. Такъ этотъ даровитый писатель морально былъ убитъ еще до своей физической смерти.

1901 г.

ЭРИСТОВЪ
ЭРИСТОВЪ

В. Л. ВЕЛИЧКО.

Имя это мнѣ было знакомо давно. Лѣтъ 12—15 назадъ я его встрѣчалъ въ „Нов. Об.“ и лучшихъ столичныхъ журналахъ. Величко, можно сказать, первый познакомилъ большую русскую публику съ образцами грузинской поэзіи, помѣщая часто переводы въ вышеупомянутыхъ журналахъ.

Его на это натолкнулъ, кажется, кн. Д. Г. Эристовъ. Съ Величко познакомился Дав. Эристовъ, когда первый пріѣзжалъ на Кавказъ въ концѣ 80-хъ годовъ, состоя при покойномъ министрѣ государственныхъ имуществъ Островскомъ.

Величко писалъ и служилъ. Но ни въ одной профессіи ему не повезло.

Стихи его были неуклюжіе, дѣланые. Я очень хотѣлъ ошибиться въ этомъ своемъ мнѣніи, такъ какъ горячо сочувствовалъ его идеѣ сближе-

нія русскаго общества съ ^{наименѣе} крайемъ, посредствомъ переводовъ лучшихъ мѣстныхъ произведеній на русскій языкъ.

Завѣдуя въ „Нов. Об.“ отдѣломъ обзора печати, я жадно уловлялъ въ газетахъ и журналахъ всѣ сколько-нибудь лестные отзывы о переводахъ Величко и съ радостью тискалъ эти отзывы въ „Нов. Об.“. Но вскорѣ я убѣдился, что это дѣло безнадежное. Члены нашей редакціи, болѣе, чѣмъ я, компетентные въ оцѣнкѣ стихотворныхъ произведеній, рѣшительно отказывались давать благоприятные отзывы о книгахъ, присылаемыхъ отъ Величко. Скептически стала относиться къ его стихотвореніямъ и столичная печать *).

* * *

Въ 1895—96 гг. Величко пріѣзжалъ два раза на Кавказъ съ спеці-

*) Достаточно упомянуть, на примѣръ, объ отзывахъ „Сѣв. Вѣстн.“ и „Русскаго Богат.“ (статьи Михайловскаго и Гриневича).

альной цѣлью получить аренду газеты „Кавказъ“.

Тутъ я только познакомился лично съ нимъ. Онъ мнѣ показался разочаровавшимся въ своей дѣятельности и даже какъ бы сконфуженнымъ. Онъ мнѣ рассказывалъ, какъ трудно начинающему литератору пробить себѣ дорогу въ столичныхъ изданіяхъ. И здѣсь напечатають ваше произведеніе, и тамъ,—говорилъ онъ,—но нигдѣ обособоваться не можешь.

Онъ какъ будто каялся, что писалъ въ либеральныхъ журналахъ, и намекалъ, что это можетъ испортить его карьеру.

Онъ возмущался нападками „Нов. Вр.“ на кавказцевъ вообще и на армянъ въ частности, но довольно сдержанно.

Я объяснялъ это боязнью потерять шансы на полученіе газ. „Кавказъ“. Но я не ожидалъ, конечно, того крутого поворота въ его міровоззрѣніи, какой произошелъ спустя мѣсяць—другой, съ полученіемъ газеты. Чуть

газеты. Онъ разсчитывалъ то на г. Суворина, то на нѣкоторыхъ кавказскихъ друзей. Но всѣ эти разсчеты обманули его и онъ въ концѣ концовъ пристроился въ „Свѣтъ“ Комарова и „Русск. Вѣсти.“—его-же.

Онъ какъ въ этихъ изданіяхъ, такъ и въ „Русскомъ собраніи“, однимъ изъ основателей котораго онъ былъ, переиждывалъ то же, что писалъ ранѣе въ „Кавк.“. То же необузданное армянофобство, то же человѣконенавистничество.

Послѣ неожиданной смерти Величко въ 1903 г. не появилось въ печати ни одного дѣйствительно почувствованнаго некролога, не раздалось въ обществѣ ни одного глубоко-соболезнующаго голоса. Вскорѣ даже близкіе друзья стали отрекаться отъ него.

* * *

Долженъ я сознаться, что мнѣ очень непріятно писать о Величко. Это не былъ идейный писатель. Сотрудничая въ либеральныхъ журналахъ

— „Вѣстн. Евр.“, „Русск. Мысли“ и др., онъ рѣдко выходилъ изъ рамки искусства для искусства. Почувствовавъ себя здѣсь второстепеннымъ сотрудникомъ, онъ легко разстался съ этими изданіями и сталъ добиваться полученія офиціозной газеты въ аренду. Въ идейномъ писателѣ такихъ легкихъ перемѣнъ не можетъ быть. Сдѣлавшись офиціозомъ и врагомъ либерализма, онъ рѣдко оставался на идейной почвѣ. Онъ въ своихъ фельетонахъ Бинокля билъ исключительно на скандалъ.

Очень тяжело, повторяю, писать о той грязи, которой не брезгалъ кавказскій Булгаринъ, и сиѣшу кончить эту невольную характеристику. Пишу „невольную“, потому что онъ слишкомъ много зла надѣлалъ на Кавказѣ, онъ слишкомъ ярко представлялъ собой извѣстное теченіе въ нашей внутренней политикѣ, чтобы можно было бы вовсе умолчать о немъ. Свирѣпое преслѣдованіе армянъ, татарско-армянская рѣзня и т. п. факты суть

результаты агитаціи той партіи, выра-
 зителемъ которой въ печати ^{выявился}
 Величко.

А много зла надѣлалъ послѣдній между прочимъ и потому, что сумѣлъ очаровать нѣкоторыхъ грузинскихъ и татарскихъ дѣятелей. Въ его газетѣ находили возможнымъ писать извѣстные грузинскіе литераторы. Статьи Величко сочувственно цитировались въ газетѣ Ил. Чавчавадзе „Иверія“ и въ газетѣ г. Топчибашева „Каспій“. Величко лично выигралъ отъ такого сотрудничества, такъ какъ изъ простаго провокатора и сикофанта, изъ бульварнаго скандалиста онъ въ глазахъ нѣкоторой части мѣстнаго общества выросъ въ оракула. Но гг. сотрудникамъ его отъ этого союза пришлось потерять многое во мнѣніи передовой части мѣстной интеллигенціи.

Величко не ограничился корифеями туземной литературы, онъ искалъ себѣ поклонниковъ и въ неразборчивой въ своихъ симпатіяхъ массѣ.

И тутъ дѣло велось далеко не на идейной почвѣ. Вотъ характерный фактъ для обрисовки этихъ отношений.

Мой хорошій знакомый N очень удивилъ меня на одномъ собраніи, обсуждавшемъ мой проектъ введенія у насъ земскихъ учреждений. N выступилъ противъ моего проекта и говорилъ въ духѣ Величко. Это меня огорчило, конечно, но не черезчуръ. У самыхъ близкихъ людей могутъ быть противоположные взгляды даже на самые важные вопросы. Но я положительно былъ пораженъ, когда N, не удовольствовавшись тенденціозной критикой моего проекта, сталъ нападать на мою личность.

Я никакъ не могъ объяснить себѣ этой выходки; рѣшительно не могъ я догадаться, чѣмъ она вызвана. По окончаніи собранія N съ прежнимъ добродушіемъ подошелъ ко мнѣ и просилъ не обижаться на него. Это еще больше озадачило меня. Но недолго продолжалось мое недоумѣніе. Меня сталъ успокаивать одинъ нашъ общій знакомый.

— Вотъ въ чемъ секретъ, свѣдѣн
онъ. N добивается мѣста уѣзднаго на
чальника; добиться же этого мѣста
онъ надѣется благодаря Величко. Вотъ
онъ и поетъ въ униссонъ съ нимъ по
вопросу о введеніи земства. Задѣвая
васъ, онъ надѣется понравиться сво-
ему патрону. Но напрасно, ничего онъ
не добьется.

Мнѣ стало стыдно за N, но вмѣстѣ
съ тѣмъ сталъ понятенъ успѣхъ Ве-
личко среди туземнаго чиновничества.
Будучи самъ карьеристомъ, онъ умѣлъ
угадывать у другихъ карьеристовъ ихъ
слабую струнку.

1904 г.

Макс. Горькій въ Тифлисеѣ.

Максимъ Горькій (А. Пѣшковъ) въ юности былъ на Кавказѣ, здѣсь жилъ нѣкоторое время и работалъ на желѣзной дорогѣ и отчасти въ газетахъ, а затѣмъ матеріаломъ для его рассказовъ „Мой спутникъ“ и „Ошибка“ послужили нѣкоторые эпизоды его жизни въ Тифлисеѣ. Особенно интересенъ извѣстный его рассказъ „Мой спутникъ“.

Рассказъ останавливается на томъ моментѣ, когда Горькій (Ал. Пѣшковъ) прибылъ въ Тифлисеѣ послѣ всевозможныхъ злоключеній вмѣстѣ со своимъ „спутникомъ“ по черноморскому побережью.

А. Пѣшковъ поступилъ на желѣзную дорогу и, если не ошибаюсь, работалъ въ мастерскихъ. Тутъ онъ попалъ въ кружокъ интеллигентныхъ служащихъ и усиленно занялся самооб-

разованіемъ. Его потянуло къ литературѣ, онъ сталъ писать, писалъ рассказы и даже стихотворенія.

Стихотворенія онъ понесъ въ редакцію „Нов. Обозр.“, но они оказались не совсѣмъ удачными и не были напечатаны ни тогда, ни послѣ. Рассказы же Горькаго были отосланы въ редакцію „Кавказа“. Изъ всѣхъ этихъ произведеній появились въ печати только два рассказа, изъ которыхъ одинъ—знаменитый „Макаръ Чудра“. Такимъ образомъ, М. Горькій выступилъ въ первый разъ въ кавказской печати.

Вскорѣ послѣ этого А. Пышковъ оставилъ Кавказъ.

Значительно позже, кажется въ 1898 году, М. Горькій опять появился въ „Кавказѣ“, но уже не редакціи Ю. Н. Милютина, а пресловутаго В. Л. Величко. Друзья М. Горькаго были неприятно удивлены такимъ шагомъ своего любимаго писателя. Оказалось, что это было чистѣйшимъ недоразумѣніемъ. Его разъяснилъ пишущему

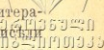

эти строки самъ писатель, ^{Дружески} ~~Дружески~~ чѣ въ 1899 году въ Петербургѣ (объ этомъ см. ниже).

Въ 1898 году А. Пѣшковъ попалъ въ Тифлисъ, тоже по недоразумѣнію. Его имя кто-то припелъ къ одному дѣлу, производившемуся въ то время въ Тифлисѣ, въ административныхъ учрежденіяхъ, и А. Пѣшкова выслали сюда изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ онъ жилъ, *этапнымъ порядкомъ*. Отчаянію его молодой жены не было предѣловъ. Она разослала письма своимъ знакомымъ въ Петербургѣ, чтобы спасти мужа.

Недоразумѣніе вскорѣ разъяснилось и А. Пѣшковъ былъ выпущенъ. Онъ тотчасъ выѣхалъ изъ Тифлиса опять въ Н.-Новгородъ.

Мнѣ случилось быть въ Петербургѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Пѣшковъ былъ невольнымъ гостемъ Тифлиса. Я попалъ чуть не прямо съ вокзала на обѣдъ, устроенный петербургскими литераторами у Константина по случаю пятидесятилѣтія смер-

ти Бѣлинскаго. Послѣ обѣда литераторы разбились на кружки и присѣли къ садовымъ столикамъ. Я, проходя мимо сотрудниковъ „Русскаго Богатства“, былъ атакованъ однимъ милымъ старикомъ. Онъ оказался профессоромъ К. А. Поссе, любимцемъ молодежи. Онъ обнялъ меня и отвелъ въ сторону.

Профессоръ съ пыломъ юноши держалъ ко мнѣ такого рода рѣчь:

— Вы, я слышалъ, пріѣхали съ Кавказа. Вы можете оказать великую услугу литературѣ. Есть такой молодой, симпатичный, талантливый писатель, Максимомъ Горькимъ прозывается. Вы его, вѣроятно, еще не знаете (это почти была правда). Купите книжку его рассказовъ, которая на дняхъ вышла. Прочтите, онъ вамъ непременно понравится. Такъ вотъ, видите ли, съ этимъ самымъ молодымъ писателемъ приключилась бѣда. Его вдругъ взяли изъ одного конца Россіи, изъ Нижняго—въ другой конецъ, въ Тифлисъ. Жена—въ отчаяніи. Вѣдь

въ Тифлисѣ у него нѣтъ ^{никакого} шанса
 можетъ тамъ погибнуть. Не ^{знакомы} ли
 вы съ судебными чиновниками,
 которые могли бы спасти его? А за-
 тѣмъ, когда дѣло его кончится, куда
 ему голову склонить? Нельзя ли гдѣ-
 нибудь пристроить его, найти какой-
 нибудь заработокъ?

Я сообщилъ почтенному профессо-
 ру, что я только что пріѣхалъ въ Пе-
 тербургъ, гдѣ предполагаю остаться
 около мѣсяца, но что постараюсь по-
 хлопотать путемъ писемъ. Письма мои
 оказались излишними. Пока они до-
 шли до Тифлиса, Пѣшковъ успѣлъ уже
 покончить съ тифлисскими дѣлами и
 выѣхалъ.

На томъ же обѣдѣ въ память о
 Бѣлинскомъ присутствовалъ извѣст-
 ный криминалистъ, сенаторъ Таган-
 цевъ. Онъ, узнавъ объ участи Пѣшко-
 ва, принялъ ее близко къ сердцу, и,
 кажется, его-то заступничество значи-
 тельно способствовало разсѣянію не-
 доразумѣнія, жертвой котораго чуть
 не палъ ни въ чемъ невинный пи-

сатель. Какъ оказалось, Пѣшковъ обвинялся въ хожденіи въ народъ съ другими молодыми толстовцами, въ прежніе годы, когда Пѣшковъ еще жилъ въ Тифлисъ. И этого было достаточно, чтобы больного писателя вырвать изъ семьи, выслать изъ Нижняго-Новгорода въ Тифлисъ этапнымъ порядкомъ и держать его здѣсь въ тюрьмѣ. Горькій оказался ни въ чемъ неповиннымъ и его выпустили. Но, спрашивается, за что же мучили ни въ чемъ неповиннаго человѣка!

Это была пора, когда именно имя М. Горькаго получало громкую извѣстность. Когда онъ печаталъ свои рассказы въ „Русской Мысли“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Богатствѣ“, они читались съ большимъ интересомъ, но критика еще не обращала на нихъ должнаго вниманія. Въ описываемое же мною время (весной 1898 года), когда въ первый разъ были выпущены рассказы М. Горькаго отдѣльною книжкою (въ изданіи Дорватовскаго и Чарушникова), журналы и га-

зеты всѣхъ лагерей единодушно признавали въ молодомъ писателѣ крупный талантъ. Его произведенія поразили всѣхъ оригинальностью содержанія, яркостью и сочностью красокъ.

Наконецъ, мнѣ пришлось познакомиться лично съ г. Пѣшковымъ. Это было въ слѣдующемъ 1899 г., когда онъ печаталъ своего „Өому Гордѣева“ въ журналъ „Жизнь“. Въ редакціи послѣдней по вторникамъ собирались сотрудники. На одинъ изъ этихъ вторниковъ я попалъ по приглашенію редактора. Здѣсь сидѣло человекъ 5—6 сотрудниковъ журнала. Между ними я узналъ А. Пѣшкова (я его узналъ по портрету). Онъ велъ горячій споръ съ поэтомъ Д. Мережковскимъ о Ничше.

Къ концу вечера, когда всѣ споры умолкли, А. Пѣшковъ подошелъ ко мнѣ и сталъ разспрашивать о своихъ тифлисскихъ знакомыхъ.

Я не скрылъ отъ него того неприятнаго впечатлѣнія, которое произвело на всѣхъ его читателей и почи-

тателей участие его въ органѣ, Ве-
личко.

— Я знаю, знаю, — перебилъ онъ меня. — Но это вышло по досадной ошибкѣ. Меня пригласили въ „Кавказъ“. Я не разобралъ, кто его редактируетъ. Мнѣ пріятно было написать что-нибудь въ газетѣ, которая напечатала мой первый рассказъ, и вотъ я послалъ туда маленькую вещицу. Когда я узналъ, какого направленія держится Величко, я былъ раздосадованъ своей ошибкой; написалъ въ Тифлисъ, чтобъ очеркъ взяли обратно. Но оказалось поздно; моя вещица, такимъ образомъ, появилась въ газетѣ человека, къ взглядамъ котораго питаю глубокую антипатію.

Помолчавъ немного, А. Пѣшковъ продолжалъ:

— Впрочемъ, случается это со мной уже не въ первый разъ. Вотъ еще недавно мои друзья чуть не растерзали меня за то, что я печатался въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (въ то время органѣ Волинскаго, символистовъ

и декадентовъ). Но, вѣдь, я мало слѣдилъ за направлениемъ журнала, которое къ тому же неоднократно мѣнялось. Я посылалъ свои рассказы секретарю редакціи, котораго я зналъ хорошо, какъ человека самаго симпатичнаго мнѣ направленія, сумѣвшаго на дѣлѣ доказать свою преданность прогрессивнымъ идеямъ, сумѣвшаго пострадать за свои идеи.

Узнавъ отъ меня, что въ кавказской печати подвизается одинъ изъ его, А. Пѣшкова, самарскихъ знакомыхъ, М—скій, онъ оживился и рассказалъ, какъ онъ въ числѣ другихъ поставилъ М. на писательскій путь и далъ даже матеріалъ для перваго сказа.

Тутъ родоначальникъ босяцкихъ рассказовъ мастерски передалъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ дѣйствительности.

— Я,—говорилъ А. Пѣшковъ,—возвращался разъ какъ-то домой поздно вечеромъ. Только вижу, какъ въ рѣкѣ, у берега, тонетъ какой-то чер-

норабочій. Я подоспѣлъ и сталъ тащить его изъ воды. Мнѣ это свѣдѣнiе не удавалось, а затѣмъ я схватилъ его за волосы и выволокнулъ на берегъ. Вотъ тутъ-то и начинается самое интересное. Спасенный мною человѣкъ не только не поблагодарилъ меня за мой подвигъ человѣколюбія, а, напротивъ, набросился на меня съ попреками.

— Кто васъ просилъ тащить меня?—кричалъ онъ.—Какое вы имѣли право? Можетъ быть, я желаю утонуть или просто почевать въ водѣ?

Спасенный все больше свирѣпѣлъ и, наконецъ, пригрозилъ полиціей. А Пѣшковъ былъ озадаченъ и не зналъ что дѣлать.

Изъ затрудненія вскорѣ, однако, вывелъ самъ рабочій. Онъ попросилъ у Пѣшкова отступного.

Пѣшковъ отдалъ послѣдній рубль и радъ былъ отдѣлаться отъ человѣка, которому думалъ спасти жизнь.

Разсказъ совсѣмъ въ духѣ Максима Горькаго, и нужно сожалѣть, что

этотъ сюжетъ разработалъ не онъ
самъ.

Разсказъ этотъ напоминаетъ его
извѣстный разсказъ изъ кавказской
жизни „Мой спутникъ“. Герой по-
слѣдняго Птадзе, какъ оказалось, былъ
списанъ съ кондуктора С—дзе.

Послѣдній въ грузинской газетѣ
„Цнобисъ-Пурцели“ недавно (въ 1903
году) доказывалъ, что М. Горькій на-
прасно оклеветалъ его въ своемъ раз-
сказѣ и что онъ не дѣлалъ тѣхъ под-
лостей, какія ему приписываетъ ав-
торъ.

Быть можетъ, въ обоихъ выше-
упомянутыхъ разсказахъ были пре-
увеличенія и прямо искаженія дѣй-
ствительности, но, вѣдь, художествен-
ное творчество не есть фотографія
или протоколь.

Было бѣ ошибочно думать, что въ
разсказѣ „Мой спутникъ“ М. Горькій
намѣренно въ некрасивомъ свѣтѣ вы-
велъ грузина. Его Шакро Птадзе
сильно смахиваетъ на нѣкоторые дру-
гіе горьковскіе, босяцкіе типы, хотя

бы на того же рабочаго, котораго
 М. Горькій хотѣлъ снасти отъ утраты
 нія.

Въ 1900 г., лѣтомъ, А. Пѣшкову случилось опять побывать въ Тифлисѣ. Онъ здѣсь былъ проездомъ, короткое время, вмѣстѣ съ А. Чеховымъ и Васнецовымъ.

Этимъ случаемъ воспользовались нѣкоторые его старые сослуживцы по закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ, чтобъ устроить ему обѣдъ въ одномъ изъ садовъ. Грузины-интеллигенты, бывшіе на этомъ обѣдѣ, имѣли случай убѣдиться, что А. Пѣшковъ не питаетъ никакой антипатіи къ ино-родцамъ, а, напротивъ, относится къ нимъ съ полнѣйшей симпатіей. Подтвержденіемъ этого служить и рассказъ М. Горькаго „Ошибка“, героемъ котораго въ симпатичномъ свѣтѣ выведенъ тоже грузинъ — психически разстроенный учитель Ч—дзе (см. по этому поводу воспоминанія Н. Карамурзы въ „Новомъ Обозр.“, ноябрь 1903 г.). *Л 6555.*

Учен. зап. кн.-б. Тифлисс. ун-та. Библиот. филол. на-р. 1903 г.

А. Пѣшковъ побывалъ въ Тифлисе и другихъ мѣстностяхъ нашего края и въ 1903 году, лѣтомъ. Онъ совершалъ пѣшеходное путешествіе, отдыхая здѣсь на лонѣ природы отъ той напряженной нервной работы, которую приходится нести писателю по профессіи зимой въ нашихъ крупныхъ умственныхъ центрахъ.

1903 г.

Габр. Сундукіанць *).

Кто изъ тѣхъ, которые слѣдятъ за кавказской литературой, не знаетъ имени армянскаго драматурга, Габріэля Сундукіанца? Кто у насъ не помнитъ наизусть благородныхъ монологовъ его героя—кинто Пепо? „Есть рѣчи“, которымъ

безъ волненья
Внимать невозможно.

Таковы были „рѣчи“ Пепо, его филиппики противъ кровопійць-Зимзиновыхъ, этихъ сытыхъ буржуа съ тифлисскаго базара.

„Пепо“—это наша молодость. На его представленіи мы смѣялись, мы плакали, мы жили.

*) Настоящая статья была написана въ апрѣлѣ 1901 г., по случаю 30-лѣтняго юбилея комедіи Г. Сундукіанца „Пепо“. Лишь нѣсколько строкъ въ концѣ прибавлены впоследствии, при печатаніи этой книжки.

„Пено“ вмѣстѣ съ тѣмъ молодость туземнаго театра. Первые драмы армянскаго театра имѣли успѣхъ благодаря пьесамъ Сундукіанца. Живьемъ изъ жизни выхваченные типы приковали вниманіе публики къ только-что зарождавшейся армянской сценѣ. Такою же громадную услугу оказала эта пьеса возрождавшемуся въ то время грузинскому театру.

Я помню „Пено“ на грузинской сценѣ въ 1875 или 76 году. Тогда еще не было артистовъ, а были только любители. Но публика съ такимъ восторгомъ слушала эту пьесу, какъ и другую комедію Сундукіанца „Хатабала“, что невольно возникала среди любителей идея о созданіи *постоянной* сцены. Многие изъ исполнителей-любителей впоследствии превратились въ артистовъ. Въ „Пено“ я видѣлъ К. Кипіани, В. Абашидзе и Н. Шишнѣва, которые спустя 3—4 года играли на грузинской сценѣ, уже какъ профессиональные артисты.

Таланты имѣютъ свойство возбуж-

дать любовь и дружбу. Талантъ Сундукіанца не только побудилъ туземную сцену, но и сблизить двѣ народности. Грузины и армяне въ теченіе 30 лѣтъ общались на представленіяхъ „Пело“. На грузинской сценѣ заглавную роль довольно долго игралъ армянскій артистъ г. Чимишкіанъ и, несмотря на свой плохой выговоръ и нетвердое знаніе грузинской рѣчи, онъ имѣлъ большой успѣхъ. А въ армянскомъ театрѣ стали часто появляться грузинскіе артисты,—если не на сценѣ, то въ публикѣ. Они здѣсь изучали Сундукіанца, такъ сказать, въ самомъ источникѣ. Я ужъ не говорю о томъ, что армяне часто посѣщали грузинскія представленія пьесъ Сундукіанца. Абашидзе и Кипіани здѣсь были такъ же хороши, какъ Америкіанъ и Теръ-Давтянь.

Вы скажете, что все это—исторія, что Зимзимовы и Замбаховы давно уже выводятся и поэтому не могутъ уже болѣе возмущать насъ, что на смѣну имъ нарождаются новые типы,

быть можетъ, болѣе опасные, но почти вовсе незатронутые въ упомянутыхъ нами пьесахъ.

Это—правда, но только отчасти. Въ пьесахъ Сундукіанца мы видимъ хищниковъ, по преимуществу азіатовъ, лишь слегка отшлифованныхъ европейскою цивилизаціей. Они одѣваются по-европейски, употребляютъ иногда русскія и иностранныя слова, но даже по внѣшности не стали еще европейцами. Это грубые хищники.

Пьесы Сундукіанца (разумѣю здѣсь первыя его комедіи, а не „Супруговъ“, которые очень рѣдко даются на сценѣ) не затрагивали того міра, который овладѣлъ мѣстною жизнью въ послѣднія 30 лѣтъ, не видимъ тутъ адвокатовъ, инженеровъ, докторовъ, заводчиковъ, банковыхъ дѣятелей, словомъ интеллигентную буржуазію, эту соль современности.

Это—дѣйствительно новый міръ. Но имъ не овладѣлъ не только Сундукіанецъ, но и ни одинъ изъ другихъ современныхъ мѣстныхъ драма-

турговъ. Были попытки, но выродились въ карикатура, а не художественныя образы.

Въ этомъ трудно винить Сундукіанца и его преемниковъ. Сундукіанецъ умѣлъ понять свое поколѣніе; глубоко же заглянуть въ душу новаго поколѣнія могутъ только представители послѣдняго. А среди представителей новаго поколѣнія, къ сожалѣнію, еще не нашлось равносильнаго съ нимъ таланта. Комедія Сундукіанца „Супруги“ хотя и затрагиваетъ новый міръ (выводятся: молодой писатель, агрономъ, народная учительница) и его запросы (вопросъ о разводѣ), но въ художественномъ отношеніи значительно уступаетъ другимъ пьесамъ того же автора и не имѣетъ успѣха на сценѣ.

Схватить совершенно новый типъ и обезсмертить его — удѣлъ немногихъ. Нужно быть Гоголемъ, Грибоѣдовымъ, Островскимъ, Сундукіанцемъ, а такіе таланты нарождаются нечасто.

Схватить новый типъ — дѣйстви-
 тельно очень трудно. Нашъ современ-
 ный кавказскій буржуа — своеобразная
 фигура. Онъ отсталъ отъ прагматов-
 скихъ правилъ, но еще не вполне во-
 шелъ въ колею европейскаго мѣщан-
 ства. Это — какая-то нестрая смѣсь
 культуры съ приемами джигита. Здѣсь
 герой нашего времени на каждомъ
 шагу становится въ самое ужасное
 противорѣчье съ самимъ собой. Здѣсь
 много и трагическихъ, и комическихъ
 положеній, но они такъ оригинальны,
 такъ далеки отъ тѣхъ шаблоновъ, ко-
 торые даетъ намъ европейская драма,
 что не скоро улягутся въ рамки круп-
 наго, цѣльнаго сценическаго произве-
 денія.

Вотъ интеллигентъ, проглотившій
 всю премудрость европейской науки,
 а занимается онъ среди темнаго люда
 ростовщицествомъ съ неменьшимъ рве-
 ніемъ, чѣмъ Зимзимовъ.

Вотъ заводчикъ, примѣняющій у
 насъ послѣднее слово американской
 индустрии, а прибѣгаетъ на каждомъ

шагу къ пріемамъ перекупщика съ
тифлисскаго базара.

Вотъ потомокъ благородныхъ ры-
царей, обладатель множества деревень,
любимецъ столичныхъ салоновъ, а до-
ма никакъ безъ кулачной расправы не
можетъ обойтись.

Вотъ ораторъ—вчерашній либераль,
чуть не радикаль изъ радикаловъ, се-
годня ренегать самаго откровеннаго
направленія.

И сколько такихъ ужасныхъ вну-
треннихъ противорѣчій въ наше пе-
реходное время! Они захвачены, хоть
и не глубоко, въ туземныхъ расска-
захъ и романахъ, но на сценѣ почти
не задѣты.

При отсутствіи у насъ драматиче-
скихъ произведеній на такія злобо-
дневныя темы, пьесы Сундукіанца все
еще являются и еще долгое время бу-
дуть являться перлами современной
туземной сцены. Въ нихъ мастерской
рукой художника обрисованы хоть и
отживающіе типы, а все же эмбрионы,
изъ которыхъ вылуплялись и про-

должаютъ вылупляться герои нашего времени и рыцари нынѣшней Россіи.

Впрочемъ, я говорю не объ однихъ отрицательныхъ типахъ. У Сундукіанца имѣются и положительные типы. Благородный Пено, Георгій („Хатаба-ла“), Ананія („Еще одна жертва“) и пр. Они съ теченіемъ времени вырастаютъ, крѣпнутъ и развиваются. Не будь ихъ, не было бы прогресса въ нашей жизни. Они—наша надежда, они—свѣтлый лучъ, который еле, но все же явственно пробивается въ темь нашего существованія.

Какъ было бы прекрасно, если бы у Сундукіанца нашелся на туземной, бѣдной силами, сценѣ побольше достойныхъ подражателей и продолжателей.

Г. Сундукіанецъ, уроженецъ города Тифлиса, родился въ 1825 году. Выйдя изъ купеческой семьи, онъ сумѣлъ получить образованіе не только въ среднемъ, но и въ высшемъ

учебномъ заведеніи — петербургскомъ университетѣ. Это въ то время, когда рѣдкій изъ молодыхъ кавказцевъ ѣздилъ такъ далеко для окончанія образованія.

Г. Сундукіанецъ, не обладая большими средствами, посвящаль литературу лишь досуги отъ государственной службы, на которой состоитъ до глубокой старости. Онъ принималъ горячее участіе въ основаніи армянскаго театра въ Тифлисѣ и не только писалъ для него пьесы, но и тщательно режиссировалъ ихъ при постановкѣ на армянской и грузинской сценахъ.

Какъ человекъ выдающійся, онъ не избѣгъ клеветы, распространяемой среди его невѣжественныхъ современниковъ. Такъ, утверждали, что лучшіе монологи и діалоги въ его пьесахъ записаны авторомъ на репетиціяхъ во время импровизацій артистовъ, которымъ собственно и принадлежатъ будто лучшія мѣста пьесъ г. Сундукіанца. Но ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, какъ это затѣмъ засвидѣ-

тельствовали современники въ своихъ
 воспоминаніяхъ (напр., Гев. Чарикі
 анъ, исполнитель роли Пешо). Быть
 можетъ, какія-нибудь оригинальныя
 словечки артистовъ и пошлѣ въ пье-
 сы Сундукіанца, но это бываетъ не-
 избѣжно, когда авторъ пьесы чутокъ
 ко всякимъ замѣчаніямъ, дѣлаемымъ
 слушателями или исполнителями пьесъ.
 Въ доказательство того, что Сундукі-
 анцъ вполнѣ оригинальный писатель,
 можно указать также на его *разказъ*
 „Вечеръ Вареньки“. Разказъ этотъ
 такъ же богатъ остроумными діалогами
 и характеристиками, какъ и лучшія пье-
 сы г. Сундукіанца. Тутъ уже трудно
 предположить участіе артистовъ въ
 авторствѣ.

Такая же легенда держится, какъ
 извѣстно, въ отношеніи другого вы-
 дающагося кавказскаго писателя Ал.
 Казбека, котораго заподозрили въ по-
 заимствованіяхъ изъ рукописей его
 двоюроднаго брата, Дм. Казбека. И
 эта легенда, повидимому, вполнѣ оп-
 ровергнута недавними воспоминаніями

симпатіи грузинскаго общества, началъ очень скептически относиться къ возможности основать постоянный грузинскій театръ. Неисчерпаемый юморъ пьесъ Цагарели прочно приковалъ симпатіи грузинской публики къ ея родной сценѣ, и въ этомъ отношеніи заслуга покойнаго драматурга очень велика.

А. Цагарели (младшій братъ профессора груз. яз. въ петерб. университетѣ) происходилъ изъ небогатой семьи духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ тифлисской духовной семинаріи. Послѣднюю онъ оставилъ рано и занялся самообразованіемъ. Его знакомство съ покойнымъ кн. Д. Г. Эристовымъ и пылкая любовь къ сценѣ скоро привели его къ участію въ кружкѣ, о которомъ говорилось выше. Въ 1878—82 гг. онъ игралъ на сценѣ и писалъ для сцены. Въ это же время онъ вступилъ въ бракъ съ извѣстной грузинской артисткой Нат. Мер. Габунія. Но ничтожный и невѣрный заработокъ, ко-

торый давала сцена, не могъ нибудь поддержать существованіе этой талантливой семьи, и Цагарели поступилъ на закавказскую желѣзную дорогу; состоялъ помощникомъ начальника станціи Тифлисъ, а затѣмъ начальникомъ станціи въ другихъ пунктахъ той же дороги. Года два тому назадъ онъ оставилъ службу и пріѣхалъ въ Тифлисъ искать новой работы. Онъ работалъ въ грузинской печати, исполняя нерѣдко черную газетную переводную работу. Въ прошломъ году онъ помѣстилъ въ „Цнобисъ-Пурцели“ свои интересныя театральныя воспоминанія.

Здоровье покойнаго хотя и было подорвано продолжительной службой въ лихорадочныхъ мѣстностяхъ, по линіи закавказской желѣзной дороги, но никто не ожидалъ такого скораго конца.

Немало сократила его жизнь и страсть, которая погубила не одного талантливаго литератора въ Россіи.

Еще объ Ал. Казбекѣ и Зур. Антоновѣ.

Кто просматривалъ первую книгу моихъ „Характеристикъ и воспоминаній“, тотъ, вѣроятно, помнитъ трагическую судьбу грузинскихъ писателей — Ал. Казбека и Зур. Антонова. Судьбой ихъ заинтересовалась и грузинская печать. Въ послѣднее время появились въ этой печати нѣкоторые интересные біографическія свѣдѣнія о названныхъ писателяхъ, которыя считаю нелишнимъ привести здѣсь.

Новые біографическіе очерки о Казбекѣ появились въ полномъ собраніи сочиненій его, изданномъ въ концѣ 1904 года, въ видѣ преміи для подписчиковъ „Цнобисъ-Пурцели“ и „Моамбе“, и въ журналѣ „Моамбе“. По этому случаю было помѣщено въ то же время нѣсколько интересныхъ воспоминаній въ газ. „Иверія“.

Жизнь драматурга и романиста Ал. Казбека, какъ мной было замѣчено ранѣе, очень интересна и, съ своей стороны, могла бы служить сюжетомъ для драмы или романа. Она дѣлится на два, рѣзко отличающіеся и даже прямо противоположные по характеру, періода.

Въ первомъ періодѣ Ал. Казбекъ представляется блестящимъ молодымъ человѣкомъ изъ аристократической семьи, болѣе или менѣе матеріально обеспеченнымъ и даже готовящимся стать очень богатымъ человѣкомъ, путемъ выгодной женитьбы. Онъ ѣдетъ въ Москву учиться, но скоро забываетъ о цѣли своего пріѣзда и втягивается въ вихрь свѣтской жизни. Мысль о служеніи общественному благу, о литературѣ, повидимому, ему въ это время и не приходитъ въ голову. Но романъ съ богатой невѣстой А. Казбеку, въ концѣ концовъ, не удастся, и онъ, больной, возвращается домой.

Дома онъ принимается за разныя коммерческія предпріятія, которыя то-

же не удаются. Онъ часто оузыр ытэ-п
дается пустой свѣтской жыван пили ытэ-п
впадаетъ въ противоположную край-
ность: превращается въ простаго па-
стуха и ходить по горамъ за стадомъ.
Лишь въ 1879—80 гг., когда Казбеку
уже было 32—33 года, онъ берется
за перо. Сначала онъ переводить
пьесы, пишетъ стихи и не имѣеть
успѣха, но вскорѣ затѣмъ начинаетъ
писать рассказы и повѣсти изъ гор-
ской жизни и читатели зачитываются
его произведеніями. Казбекъ изъ дэн-
ди превращается въ скромнаго писа-
теля. Его начинаютъ одолѣвать болѣзнь
и нужда. По внѣшности и слѣда не
осталось отъ прежняго красиваго и
франтоватаго Казбека. Прежде всѣ
бѣгали за нимъ, а теперь всѣ отво-
рачиваются отъ него. Только невѣ-
домый для него читатель увлекается
имъ и высоко ставитъ его на пьеде-
сталь.

Болѣзнь и нужда, въ концѣ кон-
цовъ, берутъ вверхъ надъ поэзіей цы-
ганской жизни и поэтическимъ вдох-

новеніемъ. Казбекъ сходитъ съ ума и кончаетъ дни свои въ больницѣ.

Но и послѣ смерти судьба преслѣдуетъ его. Упорно распространяется въ грузинской печати и обществѣ слухъ, что рассказы и повѣсти Казбека изъ горской жизни, т. е. все лучшее изъ написаннаго имъ, вовсе не принадлежать ему, а что они имъ заимствованы у покойнаго его двоюроднаго брата Дм. Казбека. Но въ подтвержденіе этого приводится только то, что Дм. Казбекъ былъ развитѣе Ал. Казбека и что рукописи перваго, послѣ его смерти, перешли ко второму. Никто, однако, не знаетъ, что заключалось въ этихъ рукописяхъ. Кромѣ того, многіе видѣли, какъ Ал. Казбекъ писалъ свои лучшія повѣсти въ помѣщеніи редакціи газеты „Дрозба“, видѣли, какъ онъ писалъ, а не переписывалъ, но легенда продолжаетъ прочно держаться и до сихъ поръ.

И до сихъ поръ въ грузинской печати держится нѣкоторое пренебрежительное отношеніе къ покойному лю-

бимцу грузинскихъ читателей. До сихъ поръ ни обстоятельнаго критическаго очерка произведеній Казбека, ни подробной біографіи его. Біографъ Казбека, г. Каричашвили, въ своей статьѣ (въ сборникѣ „Цнобисъ-Пурцели“ и „Моамбе“) сообщаетъ нѣкоторыя новыя данныя о жизни Казбека, но многое въ этой жизни остается неяснымъ. Такъ, на примѣръ, почему разстроилась его предполагаемая женитьба въ Москвѣ, писалъ ли онъ что-нибудь въ продолженіе 7—8 лѣтъ, по возвращеніи изъ Москвы, и пр. Одно, кажется, несомнѣнно выяснилось, это то, что упорно держащіеся въ обществѣ и печати слухи о позаимствованіяхъ изъ чужихъ произведеній лишены всякаго основанія. Еще недавно, 30-го декабря 1904 года, въ газетѣ „Иверія“, нѣкій И. Хетерели, бывшій помощникъ экспедитора въ редакціи газеты „Дроэба“, свидѣтельствовалъ, что Казбекъ лучшую свою повѣсть „Элгуджа“ писалъ самъ, а затѣмъ, уставъ писать, диктовалъ ему,

автору воспоминаній. Диктуя, Казбекъ самъ переживалъ вмѣстѣ съ своимъ героями всѣ испытанныя имъ тревоженія. Г. Хетерели долго работалъ при Казбекѣ въ редакціи и при немъ печатались многія его произведенія. О заимствованіяхъ Казбека изъ чужихъ произведеній тутъ вовсе нѣтъ рѣчи.

Легенду о Казбекѣ, очевидно, породили зависть и недомысліе. Такой мало развитый, такой больной и порочный человѣкъ, какъ Казбекъ, сталъ любимцемъ общества, оказывается недюжиннымъ художникомъ, — думаетъ проницательный критикъ. Нѣтъ ли тутъ плагіата? Казбекъ страдалъ одно время клептоманіей, не считалъ порокомъ присвоеніе чужой собственности, не держался ли онъ тѣхъ же привычекъ и въ отношеніи литературной собственности? Такъ разсуждаютъ многіе. Но вѣдь все это догадки, а неоспоримые факты говорятъ совсѣмъ другое. Всѣ они въ пользу Казбека. Легенда объ его позаимствованіяхъ такъ

близкихъ къ нему современниковъ
(см. ниже очеркъ „Еще объ Ал. Каз-
бекѣ и Зур. Антоновѣ“).

Авке. Цагарели.

(† 1902 г.).

Послѣ Г. Сундукіанца вполнѣ естествененъ переходъ къ грузинскому драматургу, его подражателю и продолжателю—Авксентію Цагарели. Онъ началъ работать позже Сундукіанца—въ 1879 году, но кончилъ раньше: преждевременно скончался въ 1902 году.

А. Цагарели состоялъ членомъ того кружка, который, вскорѣ послѣ своего возникновенія, въ 1879 году, преобразовался въ постоянную грузинскую трупу и тѣмъ положилъ основаніе новому грузинскому театру (старымъ грузинскимъ нужно считать театръ, основанный кн. М. С. Воронцовымъ и кн. Г. Эристовымъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но недолго просуществовавшій за недостаткомъ средствъ). Вошелъ въ этотъ кружокъ покойный Цагарели еще юношей и

игралъ вторыя комическія роли. Артистическій талантъ Цагарели невеликъ, но любовь къ осмысленная игра сдѣлали его драгоценнымъ членомъ вновь народившагося кружка. Вскорѣ Цагарели проявилъ себя съ большей силою на другомъ поприщѣ. Въ 1879 г. была написана имъ и въ томъ же году поставлена на сценѣ его первая пьеса—трехъактная комедія „Другія нынче времена!“ (გაუგობაბავს, ვვლარ ბავავ!). Пьеса имѣла шумный успѣхъ и съ тѣхъ поръ, въ теченіе 23 лѣтъ, держится въ грузинскомъ репертуарѣ. Она удостоилась первой преміи, которую назначилъ кружокъ любителей, преобразовавшійся затѣмъ въ грузинское драматическое общество.

Вскорѣ появилась другая пьеса Цагарели — „Ханума“, имѣвшая еще большій успѣхъ и еще чаще даваемая на грузинской сценѣ, чѣмъ первая, вышеназванная пьеса. Эта пьеса переведена на армянскій яз. и нерѣдко также ставится на армянской сценѣ.

Значительный успѣхъ имѣла и 3-я пьеса Цагарели—драма „Цимбирели“. Не переставала работать для родной сцены Цагарели и затѣмъ, пробуя свой талантъ въ историч. драмахъ и водевиляхъ, хотя и не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ въ бытовой комедіи. Пробовалъ Цагарели свое перо и для изображенія современной грузинской интеллигенціи (комедія „Радуга“), но тутъ его постигла та же неудача, какъ Сундукіанца въ пьесѣ „Супруги“.

Цагарели не создалъ новой школы въ грузинской драматической литературѣ, и его пьесы являются какъ бы продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ сюжетовъ, затронутыхъ Г. Эристовымъ и Г. Сундукіанцемъ, но Цагарели принадлежалъ къ числу тѣхъ талантливыхъ и выдающихся учениковъ, которые достойны стоять рядомъ со своими учителями. Тифлисская жизнь въ его пьесахъ отразилась съ большею полнотою, чѣмъ раньше, и это обстоятельство сильно помогло новой грузинской сценѣ сразу завоевать

же неосновательна, какъ о Сундукіанцѣ (см. выше, въ очеркѣ „Габр. Сундукіанцѣ“).

Несладка была жизнь и одного изъ первыхъ грузинскихъ драматурговъ— Зураба Антонова.

Недавно въ газетѣ „Иверія“ была напечатана сенсаціонная замѣтка горійскаго старожила г. Агало Тутаева объ обстоятельствахъ, при которыхъ будто умеръ Антоновъ.

Антоновъ, прежде чѣмъ сдѣлаться драматургомъ, какъ извѣстно, торговалъ въ Гори и имѣлъ земли тамъ, гдѣ теперь стоитъ горійскій желѣзнодорожный вокзалъ. Дѣла у Антонова пошли плохо, и всѣ его земли, за незначительный долгъ, остались за знаменитымъ въ свое время Мирономъ Григ. Амировымъ. Послѣдній былъ уѣзднымъ прокуроромъ въ Гори и одѣвался оригинально: по длинной шпели и большому козырьку его можно было узнать на далекомъ разстояніи.

Антоновъ, потерявъ имѣнія благодаря Амирову, написалъ комедію подъ названіемъ „Козырекъ“, въ которой изображалъ Амирова (комедія эта, къ сожалѣнію, затѣмъ исчезла).

Антоновъ, по словамъ г. Тутаева, не потерялъ надежды вернуть себѣ утерянныя имѣнія и долго тягался съ Амировымъ. Въ судъ Антоновъ представилъ документъ, которымъ Амировъ обязывался возвратить доставшееся ему имущество. Дѣло было выиграно драматургомъ, но не дешево обошлась ему эта побѣда. Амировъ заявилъ подлогъ. По его проискамъ (какъ нужно догадываться по разсказу г. Тутаева) Антоновъ былъ арестованъ при 5-мъ полицейскомъ участкѣ въ Тифлисѣ и здѣсь онъ нѣсколько дней содержался безъ пищи. Отъ горя и голода онъ страшно изнемогъ и вскорѣ будто умеръ.

Такъ разсказываетъ г. Тутаевъ. Покойный же И. Кереселидзе, товарищъ Антонова по сценѣ, лѣтъ 12 назадъ, въ грузинскихъ газетахъ при-

соваль совсѣмъ въ иномъ видѣ, обстоя-
 новку, при которой скончался Анто-
 новъ. Послѣдній, по словамъ Кересе-
 лидзе, былъ укушенъ бѣшеной соба-
 кой и послѣ продолжительной болѣз-
 ни скончался на своей квартиркѣ. Въ
 этомъ же смыслѣ опровергалъ г. Ту-
 таева недавно, въ „Новомъ Обозрѣ-
 ніи“ (см. декабрь 1904 г.), одинъ изъ
 тифлисскихъ старожиловъ А. К—въ.
 Очевидно, г. Тутаевымъ соединены въ
 одно цѣлое два событія въ жизни
 Антонова—тяжба его съ Амировымъ
 со всѣми тяжелыми для перваго по-
 слѣдствіями и смерть Антонова.

Если же легенда о смерти или,
 вѣрнѣе, объ убійствѣ Антонова крѣп-
 ко держалась въ обществѣ, такъ крѣп-
 ко, что ее хорошо запомнилъ г. Ту-
 таевъ въ теченіе 50 лѣтъ, то, зна-
 чить, въ легендѣ этой ничего особен-
 но невѣроятнаго для того времени не
 было.

Антонова судъ оправдалъ, а поли-
 ція казнила, и это за одно и то же
 дѣло. Судъ Антонову вернулъ имѣ-

нія, а полиція чуть не отняла у него жизнь.

Произволь жестоко разрушалъ то, что творилъ законъ. Трудно себѣ представить большее глумленіе надъ правдой и справедливостью. Такъ было при старомъ судѣ.

Новый судъ, судъ по уставамъ Императора Александра II, провозгласилъ новыя начала, и инцидентъ съ Антоновымъ былъ бы немислимъ при новомъ судѣ.

Но не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ дореформенный строй пошелъ походомъ противъ новаго суда. Появился институтъ земскихъ, а затѣмъ крестьянскихъ начальниковъ, который упразднялъ мировую юстицію и вмѣсто нея водворялъ смѣшанную власть, скорѣе, впрочемъ, полицейскую, чѣмъ судебную. 12-лѣтняя практика этого института показала, однако, полную непригодность его. И намъ, кавказцамъ, остается только радоваться, что институтъ этотъ не былъ у насъ введенъ.

Въ послѣднее время, правда, на-
ходились приверженцы этого инсти-
тута и на Кавказѣ, но успѣли ихъ
оказались запоздалыми. Повѣяло но-
вымъ духомъ, тѣмъ духомъ, которымъ
проникнуты всѣ реформы царствова-
нія Александра II, и намъ уже нече-
го бояться: не будетъ у насъ ни зем-
скихъ, ни крестьянскихъ начальни-
ковъ. Но этого мало. Пожелаемъ, чтобъ
у насъ осуществилась реформа Але-
ксандра II полностью, чтобы былъ, на-
конецъ, введенъ и судъ присяжныхъ.

Тогда легенды объ Антоновыхъ,
гніющихъ въ тюрьмахъ отъ произвола
всемогущихъ кредиторовъ, уже не бу-
дутъ передаваться какъ нѣчто непре-
ложное. Легенды эти должны отойти
въ невозвратное прошлое.

1904 г.

Д. Ведробисели

(Д. К. Маліева).

Было время, когда лучшие представители русской литературы увлекались Кавказомъ. Ихъ увлекала свободная, безыскусственная жизнь туземцевъ, нетронутыхъ утонченной цивилизаціей Европы. Русскій романтизмъ, главнымъ образомъ, вдохновлялся Кавказомъ. Многія лучшія произведенія Лермонтова, Пушкина, Марлинскаго, Л. Толстого, Полонскаго и др. посвящены нашему краю.

Въ послѣднія 50 лѣтъ наступаетъ реакція. Съ водвореніемъ началъ гражданственности Кавказъ теряетъ свою славу „нетронутаго уголка“.

Лучшіе русскіе беллетристы 50-хъ и 60-хъ гг. поглощены тѣмъ крупнымъ переломомъ, который производитъ въ жизни внутренней Россіи крестьянская реформа. Народничество, воспроизведеніе вырвавшагося на

свѣтъ Божій русскаго мужика, является основнымъ мотивомъ русской художественной литературы (Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ, Помяловскій, Успенскій, Рѣшетниковъ и др.).

И Кавказъ совсѣмъ забывается.

Позже, въ 80-хъ и 90-хъ гг., доминирующее положеніе въ русской беллетристикѣ занимаетъ Сибирь. Лучшія произведенія Мамина-Сибиряка, Короленко, Мачтета, Сѣрошевскаго, Тана, Мельшина, отчасти Чехова, посвящены Сибири.

Но въ то же время въ кавказской литературѣ, грузинской и армянской, выступаетъ цѣлый рядъ беллетристовъ, пишущихъ на туземныхъ языкахъ. Туземный беллетристъ лучше знаетъ мѣстный бытъ и онъ подробнѣе останавливается на немъ. Сундукіанецъ, Раффи, Ширванзадэ, Прошіанъ, Паназянъ, Агароніанъ—у армянъ; И. Чавчавадзе, Г. Церетели, Казбекъ, Е. Габаева, И. Ниношвили, Д. Клідіашвили, Дуту Мегрели, Н. Ломаури и др.—у грузинъ—открываютъ передъ чи-

тателями завѣсу надъ міромъ, живымъ до того въ литературѣ. Это уже не романтическая импровизація „знатныхъ иностранцевъ“, заинтересовавшихся Кавказомъ, въ качествѣ туристовъ, а детальное воспроизведеніе реальной жизни со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, произведенія самихъ туземцевъ, близко знающихъ описываемый бытъ.

Въ одинъ рядъ съ перечисленными туземными беллетристами нужно поставить и двухъ другихъ туземцевъ-беллетристовъ, пишущихъ по-русски. Это Д. Ведрисели и Л. Кипіани. Ихъ критика еще не оцѣнила; они выступили позже вышечисленныхъ. Но, нужно думать, что очередь дойдетъ и до нихъ; они будутъ оцѣнены по достоинству.

Общая, однако, участь всѣхъ этихъ беллетристовъ, особенно пишущихъ на туземныхъ языкахъ, та, что ихъ мало знаетъ большая русская публика какъ на Кавказѣ, такъ еще болѣе въ остальной Россіи.

Причинъ къ тому много. Во-первыхъ, беллетристовъ-этнографовъ переводить очень трудно; приходится пространно разъяснять чуть не каждое переводимое слово, что немало ослабляетъ впечатлѣніе отъ художественнаго произведенія; во-вторыхъ, большинство переводовъ разсыпано въ газетахъ и журналахъ за разные годы и сколько-нибудь цѣльнаго впечатлѣнія поэтому не можетъ производить.

Въ болѣе благопріятномъ положеніи находятся тѣ два туземца-беллетриста, которые пишутъ по-русски: ихъ переводить не нужно. Но до сихъ поръ не было издано ни одного сборника ихъ рассказовъ. Приходилось слѣдить за ними опять-таки по журналамъ и газетамъ.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать выпуска сборника рассказовъ Д. Ведребисели. Правъ г. Горбуновъ, заявляющій въ предисловіи къ сборнику, что „за всѣ сто лѣтъ присоединенія Грузіи къ Россіи настоящей сборникъ рассказовъ изъ жизни при-

соединенной страны является первымъ, сколько-нибудь освѣтлѣющимъ жизнь грузинъ“.

Не всѣ рассказы Д. Ведребисели одинаково удачны въ художественномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ рассказѣ „Местъ“ авторъ производитъ на читателей не то впечатлѣніе, какое желаетъ, а совершенно обратное. Ея героиня Кеке не столько жалка, сколько смѣшна. Въ рассказѣ „За свою собственность“ герой Шамила заранѣе какъ бы подсказываетъ читателямъ все, что должно съ нимъ произойти, такъ что интересъ рассказа обрывается въ самомъ же началѣ чтенія. Но большинству рассказовъ Д. Ведребисели нельзя отказать въ художественности и правдивости. Это не яркій талантъ, но талантъ несомнѣнный. Многія картины нарисованы очень просто, точно онѣ выхвачены изъ дѣйствительности. Но чѣмъ проще вырисовываются детали, тѣмъ онѣ сильнѣе дѣйствуютъ на читателей. Передъ глазами читателей встаетъ

весь трагизмъ жизни маленькихъ дей грузинскаго захолустья. Это даже не картины, а сама жизнь, дыханіе которой чувствуется въ каждой строчкѣ нѣкоторыхъ рассказовъ. Особенно хороши „Въ глухомъ приходѣ“, „Хизаны“, „Нетронутый уголокъ“ и „Семейное счастье“.

Авторъ рисуеъ небольшой уголокъ Грузіи, Верхнюю Карталинію, нагорную часть горійскаго уѣзда, со смѣшаннымъ—грузинскимъ и осетинскимъ населеніемъ. Но многое изъ того, что попадаетъ въ этомъ уголкѣ, характерно для всей Грузіи—Кутаисской и особенно Тифлисскаго губ.

Въ очеркахъ выведены самые разнообразныя слои населенія—дворяне-землевладѣльцы („Семейное счастье“, „Нетронутый уголокъ“, „Крестины“), сельскіе торгаша („Крестины“), духовенство („Въ глухомъ приходѣ“), крестьяне („Хизаны“). У каждаго класса населенія своя особая, строго опредѣленная физіономія. Одни—волки (помѣщики, торговцы), другіе—овцы (кре-

стьяне). Но всё болѣе и болѣе страдают. Какъ помѣщики, такъ и крестьяне бѣдны вслѣдствіе своего невѣжества. Они только думаютъ, какъ бы пышно отпраздновать крестины, совершить похороны, удивить сосѣдей щедростью, а весь остальной годъ голодаютъ.

Торговцы (не одни армяне и евреи, какъ до сихъ поръ принято было выводить у грузинскихъ беллетристовъ) безгранично жадны, имъ подражаютъ и представители сельскаго духовенства, но все ихъ богатство не можетъ спасти отъ безконечныхъ униженій, которыя приходится терпѣть имъ отъ помѣщиковъ. Послѣдніе все еще настолько сильные феодалы, что попираютъ на каждомъ шагу человѣческую личность не однихъ зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ, но и своихъ кредиторовъ. Какъ торговцы, такъ и другіе разночинцы сильно побаиваются дворянъ и всею тяжестью своего ростовщичества обрушиваются, главнымъ образомъ, на крестьянъ.

Поэтому жизнь маленькихъ людей въ грузинской деревнѣ совершенно невыносима. Причетникъ Павле, вздумавшій высвободиться изъ подъ ига отца Тадеоза, погибаетъ въ этой неравной борьбѣ — кончаетъ самоубійствомъ. Больной хизанъ Лексо съ нескрываемымъ удовольствіемъ готовится встрѣтить смерть.

Эта послѣдняя сцена такъ глубоко драматична и такъ характерна для опредѣленія творчества разбираемаго писателя, что мы приводимъ здѣсь ее цѣликомъ.

Проходили дни. Знахарки были безсильны въ борьбѣ съ воспаленіемъ легкихъ, и Лексо тихо угасалъ. Пасмурные дни смѣнились свѣтлыми; какъ-будто солнце хотѣло въ послѣдній разъ приласкать этого измученнаго человѣка, и оно послало ему въ утѣшеніе два луча, проплывшіе въ саклю черезъ оконце. Сознаніе его не покидало, и онъ просилъ окружающихъ поскорѣе приготовить ему смертную одежду*). Позвали торговца краснымъ товаромъ, рыжаго еврея Абрама, и передъ больнымъ разложили узелъ ситца и коленкора.

*) Это принято у осетинъ.

тоже отличные чусти по десяти шауровъ*)
 Возьмите.

Лексо взялъ въ руки, осмотрѣлъ, хотѣлъ надѣть ихъ, но силъ не хватило, жена ему помогла, чусти оказались по ногѣ. Маро, глядя на мужа, живо представила себѣ, какъ онъ будетъ лежать въ гробу и какъ эти новые чусти будутъ упираться въ гробовую доску. Она отошла отъ постели больного и грязнымъ подоломъ платья вытерла навернувшіяся слезы.

— Можетъ быть, матерію для шароваръ тебѣ надо, Лексо?—спрашиваетъ Абрамъ.

— Нѣтъ, Абрамъ, шаровары есть новые, Маро соткала, а новую шапку мельникъ уже купилъ мнѣ, такъ что смертный варядъ у меня готовъ.

— Я приду за ячменемъ къ тебѣ, Маро, въ молотьбу,—говорилъ Абрамъ, увязывая узелъ.

— Только, пожалуйста, Абрамъ, если всего долга не заплатитъ Маро, не брани ее, не обижай. Видишь, некому будетъ ее защитить отъ тебя, — грустно обратился Лексо къ Абраму.

— Не безпокойся, я не такой человекъ. Ну, прощайте!

Абрамъ вышелъ. Дровъ не было, за-

*) Шауръ—5 коп.

нять было не у кого, въ саклѣ стоялъ холстъ, а въ лодѣ.

— Теперь, Маро, у меня все есть, весь нарядъ!—сразу просвѣтлѣвши и успокоившись, сказалъ больной. Онъ чувствовалъ приближеніе смерти и не боялся; онъ готовился къ ней какъ человѣкъ, который ѣдетъ на вѣчный отдыхъ, ѣдетъ туда, откуда никогда не вернется. Лексо умиралъ спокойно, тихо, какъ человѣкъ усталый и ни на что лучшее въ жизни не рассчитывающій. По мѣрѣ того, какъ падали силы больного, женщины, родственницы его, грѣхавшія съ далекихъ горъ, и сосѣдки посиѣшно шили ему смертный нарядъ. Ужь лучина догорѣла, зажгли новыя щепки, и Лексо, одѣтый во все новое, спокойно лежалъ въ ожиданіи смерти.

Усталая отъ безсонныхъ ночей, завернутая въ какія-то лохмотья, Маро, стоя на колѣнахъ и положивъ голову въ ноги мужа, вздремнула. Изъ разныхъ угловъ убогой холодной сакли раздавался храпъ и свистъ спящихъ гостей. Пока Маро въ состояніи была бодрствовать, Лексо говорилъ ей упавшимъ голосомъ:

— Такъ, умоляю тебя: когда подрастетъ Васо—оставьте Цремліани, не живите здѣсь, отдай сына въ услуженіе на станцію или уѣзжайте въ городъ. Если Нину отдашь за хизана—я прокляну и тебя, и ее.

Тамъ, на чужой сторонѣ, найдется чело-
вѣкъ, который будетъ ее каждый день
кормить и держать въ теплой комнатѣ
моей...

Лексо съ величайшимъ трудомъ при-
поднялся и, глядя на жену, прошепталъ:

— Моя бѣдная, моя жалкая!

Голова бессильно свалилась на подуш-
ку. Лексо начиналъ терять сознание, сте-
клянный взглядъ его угасшихъ глазъ блу-
ждалъ по закопченнымъ стѣнамъ и потолку
сакли... Онъ повернулся къ стѣнѣ, вытя-
нулся и... застылъ навѣки.

А кругомъ всё храпѣли, сонѣли, и вѣ-
теръ, поднявшійся въ полночь, рыдалъ въ
каминѣ.

Но не вся жизнь у несчастныхъ
крестьянъ соткана изъ горя и слезъ.
Бываютъ у нихъ и свѣтлые моменты.
Это, когда ихъ освѣщаетъ взаимная
любовь. Лучи любви, хоть и не ча-
сто, проникаютъ въ ихъ темную хату
и согрѣваютъ несчастныхъ людей,
окопеченныхъ отъ холода жизни.

Такъ же трогательно, какъ голодъ и
холодъ, умѣетъ рисовать Д. Ведреби-
сели и свѣтлые моменты. Особенно
хороши въ этомъ отношеніи три по-

слѣднихъ разсказа въ сборникѣ
 „Мехре“, „Подъ ледянымъ сводомъ“ и
 „Сынъ“.

Теперь два слова объ авторѣ. Д. К. Маліева—уроженка Карталиніи, дѣтство провела въ глухомъ уголкѣ последней—въ селеніи Ведревиси. Въ настоящее время она состоитъ учительницей въ бакинской женской гимназіи. Служба, уроки, вѣчныя заботы о заработкѣ, о семьѣ не отняли у Д. К. Маліевой охоты и возможности заниматься самообразованіемъ, благотворительностью, общественной и литературной дѣятельностью. Успѣхъ давался ей не дешево. Приходилось терпѣть немало неприятностей по общественнымъ дѣламъ, стучаться во всѣ редакціи, много разъ исправлять разъ написанное, отказываться отъ иныхъ неудачныхъ своихъ произведеній, но терпѣніе и трудъ все перетрутъ и вѣчное стремленіе къ самосовершенствованію не можетъ не повести въ концѣ концовъ къ успѣху. Г-жа Ма-

ліева создала себѣ въ русской литературе имя, которое хотя и не блещетъ, но вполне заслуженно пользуется уваженіемъ.

Г-жа Маліева немало пишетъ въ газетахъ—корреспонденціи, публицистическія статьи и фельетоны, преимущественно изъ бакинской жизни, но все это далеко не имѣетъ той цѣны, какую имѣютъ ея рассказы изъ грузинской жизни.

1903 г.

Абг. Іоаннисіани.

(† 1904 г.).

Въ первой книжкѣ я далъ краткую характеристику прогрессивнаго представителя молодой Арменіи—Григ. Арцруни. Его антагонистомъ въ печати и на католикосскихъ выборахъ былъ Абг. Іоаннисіани, представитель армянскихъ консерваторовъ. Пишущій эти строки никогда не раздѣлялъ консервативныхъ взглядовъ послѣдняго, но считаетъ долгомъ справедливости отмѣтить другую заслугу его передъ армянскимъ обществомъ. Онъ былъ такимъ же горячимъ насадителемъ журнализма у своихъ сородичей, такъ же энергично служилъ развитію родной литературы, какъ и Арцруни.

У Абг. Іоаннисіани были или друзья, или враги. Безразличныхъ знакомыхъ почти не было. Это объясняется экспансивностью покойнаго и

страстнымъ отношеніемъ его ко все-
му окружающему.

Разъ поставивъ себѣ цѣль, онъ на-
стойчиво добивался ея. Въ этомъ от-
ношеніи онъ сходилъ со своимъ про-
тивникомъ—Г. І. Арцруни, хотя это
были, какъ я уже сказалъ, люди раз-
ныхъ лагерей, разнаго умственнаго
склада, даже разнаго темперамента.

Индивидуальныя черты въ Іоанни-
сіани были настолько сильны, что
онѣ не могли стираться партійной ди-
циплиной. Личный талантъ не былъ
заглушенъ партійнымъ шаблономъ.

Въ средѣ армянскихъ консервато-
ровъ можно найти болѣе цѣльныя на-
туры, чѣмъ А. А. Іоаннисіани. Таковы,
наприм., Г. Г. Евангуловъ, Г. А. Эзовъ
и П. Симоніанць.

А. А. Іоаннисіани былъ слишкомъ
нервною, увлекающейся натурой, что-
бы во всемъ слѣдовать стиснутой въ
партійныя рамки программѣ.

Это прежде всего былъ горячій
любитель литературы и, между про-
чимъ, изящной словесности. Онъ самъ

писалъ мало, но не жалѣлъ, чтобы издать армянскомъ языкѣ, близкое къ типу русскихъ толстыхъ журналовъ.

Изданіе такого журнала — дѣло очень трудное, въ матеріальномъ отношеніи, даже на русскомъ языкѣ, несмотря на то, что русскіе журналы имѣютъ несравненно болѣе обширную аудиторію.

„Вѣстникъ Европы“, несмотря на то, что издается почти 40 лѣтъ, несмотря на то, что имѣлъ такихъ сотрудниковъ какъ Тургеневъ, Салтыковъ, Спасовичъ и др., никогда не обладалъ болѣе чѣмъ 6—7 тыс. подписчиковъ. Самый распространенный русскій подобный журналъ „Русская Мысль“ нерѣдко терпѣлъ убытки и переходилъ изъ рукъ въ руки.

Тѣмъ болѣе чести А. А. Іоаннисіани, что онъ сумѣлъ все же нѣсколько лѣтъ издавать подобный журналъ на армянскомъ яз., привлекая въ этотъ журналъ къ тому же такія литературныя силы, какъ Раф. Патканьянъ,

П. Прошіанъ, Раффи, Дзеренцъ, Сундукіанць, Сумб. Шахазизъ и друг.

Какое важное значеніе имѣлъ издававшійся Іоаннисіани журналъ „Пордзъ“ (1876—1881 гг.) для армянской беллетристики, можно судить по тѣмъ строкамъ, которыя посвятилъ этому журналу его бывший сотрудникъ, извѣстный армянскій беллетристъ П. Прошіанъ, въ журналѣ „Таразъ“ въ 1904 г.

Между первымъ, крупнымъ произведеніемъ г. Прошіана „Сось и Вардистеръ“ и послѣдующимъ, помѣщеннымъ въ „Пордзѣ“, прошло 17 лѣтъ. „Лампада моя, какъ литератора,—говорилъ г. Прошіанъ,—догарала и, быть можетъ, погасла бы совершенно, если бы неожиданно не было подлито масла“... Это было въ 1877 году. Романистъ, жившій тогда въ Астрахани, получилъ письмо отъ Казароса Агаяна, предлагавшаго отъ имени Абгара Іоаннисіани возобновить литературныя занятія; „для тебя широко открываетъ

свои страницы „Пордзѣ“, — такъ заканчивалось письмо.

Приглашеніе это вновь воскресило въ авторѣ „Изъ-за хлѣба насущнаго“ литератора. Нѣсколько главъ, посланныхъ изъ повѣсти „Яблоко (цвѣтокъ) раздора“, получили полное одобреніе редакціи, предложившей автору мѣсто секретаря. Этимъ былъ положенъ конецъ скитальческой жизни г. Прошіана, скитальчества въ роли фотографа, учителя, мелочного лавочника, продававшаго угли... скитальчества съ семьей, вызваннаго „изъ-за хлѣба насущнаго“...

Г. Прошіанъ, что и говорить, радостно принимаетъ предложеніе.

Онъ немедленно переѣзжаетъ въ Тифлисъ и вступаетъ въ редакціонную семью дѣятельнымъ и полноправнымъ ея членомъ.

„Три года подъ рядъ я помѣщалъ въ „Пордзѣ“ три крупнѣйшихъ своихъ произведенія... „Мертвый воскресъ“...“

Такъ оканчиваетъ г. Прошіанъ

свое слово къ покойному Абг. Иоаннисіани, давшему толчекъ его воскресенію.

Въ положеніи г. Прошіана находился, конечно, не одинъ талантливый армянскій писатель.

Послѣ „Пордза“ Иоаннисіани долго издавалъ газету „Ардзаганкъ“ (Эхо), сначала въ недѣлю разъ, а затѣмъ 3 и, наконецъ, 5 разъ. Газета эта также умѣла привлекать выдающіяся литературныя силы. Въ ней, кромѣ вышеназванныхъ писателей, сотрудничавшихъ въ „Пордзѣ“, писали также гг. Ширванзадэ, К. Бебутовъ, Аро и др.

Газета эта подвергалась строгимъ карамъ. Два раза она была приостановлена по 8 мѣсяцевъ каждый разъ и, наконецъ, въ 1898 году была вовсе закрыта, по представленію бывшаго главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, кн. Голицына, постановленіемъ четырехъ министровъ.

Послѣ этой кары Иоаннисіани фак-

тически былъ лишенъ права выис-
скать какое бы то ни было дерива-
ческое изданіе и какъ бы стѣсненъ
въ рамкахъ общественной дѣятельно-
сти. Это сильно тяготило живую на-
туру покойнаго армянскаго журнали-
ста и, можетъ быть, немало сократило
ему жизнь.

* * *

Другой важной заслугой Абг. Иоан-
нисіани является его всегдашнее стрем-
леніе знакомить Европу съ армянской
литературой и исторіей.

Рѣдкій любознательный иностран-
ецъ, пріѣзжавшій на Кавказъ, не
находилъ у Абг. Иоаннисіани полную
готовность посвятить его во всѣ под-
робности жизни мѣстныхъ армянъ,
въ ихъ обычаи и вѣрованія, озна-
комить съ ихъ прошлымъ и настоя-
щимъ.

Веселый, общительный характеръ
покойнаго сильно помогаль ему до-
стигать своей цѣли. Путешественникъ,
очарованный гостепріимствомъ армян-
скаго журналиста, уѣзжая на родину,

никогда не забывалъ ни его, ни того края, гдѣ пришлось встрѣтить необычайно радушный приемъ.

Чтобъ еще лучше ознакомить европейцевъ съ армянской литературой и жизнью, покойный предпринялъ на нѣмецкомъ языкѣ изданіе образцовъ армянской беллетристики (см. лейпцигское изданіе „Armenische Bibliothek“, вышло 11 томовъ), перевелъ на французскій языкъ нѣсколько очерковъ Раффи, издавалъ въ Германіи вмѣстѣ съ профессоромъ Финкомъ журналъ „Geitschrift für armenische Philologie“ и пр.

И для такихъ изданій, какъ ранѣе для журнала на армянскомъ языкѣ, нужны были, кромѣ личныхъ усилій, еще значительные расходы. И Абг. Иоаннисіани ихъ производилъ то изъ личныхъ средствъ, то путемъ сбора денегъ среди купечества.

* * *

Мнѣ пришлось близко познакомиться съ покойнымъ въ послѣдніе

годы его жизни. Усталый друге-
никъ часто находился въ душетру-
душу настроеніи. Ему нужно было
подвести балансъ, какъ онъ выражал-
ся. Его угнетали долги, и онъ без-
престанно думалъ объ ихъ погаше-
ніи.

Многіе ставили ему въ упрекъ эти
долги, его близость къ купечеству *)
и его большіе расходы.

— Вы—свидѣтель,—говорилъ онъ
мнѣ часто,—что я не все трачу на
себя. Вы видите, какъ меня осажда-
ютъ нуждающіеся. Одинъ проситъ де-
негъ на дорогу, другой—мѣста, тре-
тій—рекомедаціи. Всѣмъ отказать
нельзя. Кого-нибудь нужно же удовле-
творить. Поневолѣ ищешь денегъ и
связей.

Нужно отдать справедливость мѣ-
стному обществу. Оно не оставалось
глухо къ заслугамъ А. А. Іоаннисіани.

*) Онъ много лѣтъ занималъ должность
сначала директора, а затѣмъ управляюща-
го дѣлами въ тифлисскомъ обществѣ вза-
имнаго кредита.

И при жизни оказывалось ему много
вниманія, и послѣ смерти оказаны
были большія почести.

1904 г.

Ис. Ег. Питоевъ.

УДѢЛЕНА
ВЪСНУЮ

(† 1904 г.).

Ис. Ег. Питоевъ былъ рѣдкій у насъ типъ коммерсанта, всею душой полюбившаго искусство и нежалѣвшаго для него своихъ средствъ. Онъ одно время жилъ въ Москвѣ и усвоилъ себѣ у мѣстныхъ меценатовъ безграничную любовь къ театру. Онъ женился на извѣстной артисткѣ О. С. Марксъ и всю свою жизнь посвятилъ развитію театра въ Тифлисѣ. Онъ былъ не только основателемъ здѣсь „Артистическаго о-ва“ и созидателемъ для него монументальнаго зданія съ красивымъ, образцовымъ театромъ, но и нѣсколько лѣтъ былъ вкупѣ съ этимъ о-вомъ антрепренеромъ, поддерживавшимъ оперу въ Тифлисѣ въ критическія для нея минуты, и однимъ изъ основателей мѣстнаго музык. училища и отдѣленія русск. музык. общества.

Вскорѣ послѣ смерти Питоева въ „Тифлисскомъ Листкѣ“ былъ помѣщенъ

рядъ фельетоновъ, въ которомъ покойному пѣлись неумѣренные дифирамбы. Такъ, на примѣръ, утверждалось, что Питоевъ будто серьезно способствовалъ основанію въ Тифлисѣ постоянныхъ туземныхъ сценъ. Намнѣ, какъ современникѣ Питоева, лежитъ обязанность заявить, что это лишено всякаго основанія и что основателями постоянныхъ туземныхъ сценъ были совершенно другія лица. Питоевъ всю свою жизнь тяготѣлъ къ русской драмѣ и оперѣ и лишь въ послѣдніе два года своей жизни, т. е. когда армянскій театръ уже окрѣпъ, принималъ дѣятельное участіе въ его судьбахъ.

Но зато въ тѣхъ же некрологахъ были забыты совершенно другія стороны дѣятельности покойнаго Ис. Ег. Питоева, менѣе видныя, но болѣе важныя. Стоитъ съ этой стороны хоть немного остановиться на дѣятельности покойнаго тифлискаго мецената, такъ какъ въ ней несомнѣнно замѣчались любовь къ общественнымъ дѣламъ, ин-

тересъ къ общественной жизни энергія и неутомимый трудъ легко поприщѣ.]

Я помню Ис. Ег. Питоева, когда онъ еще управлялъ городомъ. Современному поколѣнію это заявленіе покажется страннымъ, потому что въ послѣднія 12 лѣтъ онъ не состоялъ даже гласнымъ и никакого отношенія къ городскимъ дѣламъ не имѣлъ. Но я говорю о той памятной многимъ полосѣ городского управленія, когда во главѣ его стоялъ А. С. Матиновъ. Я говорю о 1879—91 гг.

Вскорѣ послѣ введенія въ Тифлисѣ городского положенія 1870 г., на сцену выступила группа интеллигентной молодежи, которая желала принять ближайшее участіе въ городскихъ дѣлахъ. Въ группѣ этой особенно выдѣлялись А. С. Матиновъ, П. А. Измайловъ и А. А. Тамамшевъ, которые сумѣли не только составить опредѣленную программу дѣйствій, но и успѣшно провести ее въ жизнь. Программа эта имѣла въ виду внѣш-

нее благоустройство города и элементарныя его потребности.

Тутъ играло первую роль строительство — постройка Верійскаго и Мнацакановскаго мостовъ, водопроводъ, постройка городского дома и городскихъ лавокъ, устройство трамвая и пр.

Какъ ни примитивна была эта программа, ее все же очень трудно было провести въ жизнь, зная инертность тифлисцевъ, неумѣніе ихъ группироваться въ тѣсно сплоченную партію и развѣдающее живое дѣло многоглаголаніе и мелкое препирательство. Необходимо было составить въ думѣ одну сильную партію, на которую можно было бы опереться для успѣшнаго проведенія указанныхъ проектовъ.

Въ то время въ тифлисской думѣ было много купцовъ, и среди нихъ именно и приходилось искать опору. Тѣмъ цементомъ, который успѣшно сплотилъ интеллигентную молодежь съ купечествомъ, явился Ис. Ег. Пито-

евъ, этотъ молодой тогда, представи-
тель старинной тифлисской фирмы У
него, на квартирѣ, часто проиходили
частныя совѣщанія гласныхъ по всѣмъ
крупнымъ вопросамъ городского хо-
зяйства. Онъ пользовался въ этомъ
кружкѣ громаднымъ нравственнымъ
авторитетомъ, и его голосъ часто былъ
рѣшающимъ. Слова „Исай хочеть!“
всегда имѣли магическое дѣйствіе на
окружающихъ. Это значило, что все
строго взвѣшено, все серьезно продумано.
Благодаря кружку Ис. Ег. Пито-
ева частныя совѣщанія гласныхъ
получили у насъ право гражданства
на 20 лѣтъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ
городахъ Россіи.

Объ одностороннемъ буржуазномъ
направленіи этой партіи, въ послѣдствіи
подъ главенствомъ К. М. Алиханова и
И. А. Таирова преобразовавшейся въ
партію „Дворцовыхъ номеровъ“, писа-
лось немало и въ мѣстн. газетахъ и не-
мало дѣлалось нападокъ на узкую про-
грамму этого кружка. Но нельзя не
отмѣтить, что и то немногое, что зна-

какъ вѣрно и то, что не одной свечѣ служило это общество. Оно не только для самого себя, объединяло все мѣстное общество. „Кружокъ“ принято считать специально чиновничьимъ клубомъ, „Тифлисское собраніе“—купеческимъ, „Артистическое общество“ объединяетъ въ себѣ всѣ сословія и, что важнѣе, всѣ народности. Искусство космополитично и національной исключительности не признаетъ. Это объединеніе, быть можетъ, не всегда удавалось „Артистическому обществу“, но во всякомъ случаѣ ему удавалось чаще, чѣмъ другимъ учрежденіямъ. Въ этомъ—заслуга основаннаго Ис. Ег. Питоевымъ клуба, и заслуга для своего времени немалая.

Въ заключеніе два слова объ Ис. Ег. Питоевѣ, какъ о промышленномъ дѣятелѣ. Особаго новаторства въ этой сферѣ онъ, правда, не проявилъ. Но необходимо отмѣтить, что онъ изъ денегъ не дѣлалъ себѣ Бога, не гнался за прибылью ради прибыли и былъ способенъ на рискъ, на широкой раз-

махъ. Всѣ его предпріятія — крупныя.

Затѣмъ можно съ увѣренностью сказать, что онъ былъ далекъ отъ обычнаго у насъ типа коммерсанта. Его почти 30-лѣтняя промышленная и коммерческая дѣятельность, протекавшая въ Тифлисѣ, на нашихъ глазахъ, была всегда безупречна въ смыслѣ этики. А многіе ли изъ нашихъ предпринимателей могутъ похвастать этимъ?

1904 г.

ды въ мрачной мазутной атмосферѣ
 Нефть, кризисъ—вотъ все, что дол
 но было его занимать. Но подь ко
 нецъ жизни старика Зубалова насту
 пили и ясные дни. Онъ сразу сталъ
 милліонеромъ и однимъ изъ крупнѣй
 шихъ нефтенромышленниковъ. Одна
 ко, старикъ, видимо, мало вѣрилъ
 въ прочность вдругъ нахлынувшего
 счастья и мало перемѣнилъ свой об
 разъ жизни. Спустя три года послѣ
 этого переворота въ его судьбѣ онъ
 умираетъ и оставляетъ крупное на
 слѣдство своимъ сыновьямъ. Это было
 всего три года назадъ, но и этого ко
 роткаго срока было достаточно, чтобы
 любвеобильное сердце С. К. Зубалова
 сумѣло сдѣлать много добра для об
 щества и народа. Сейчасъ послѣ смер
 ти отца онъ вмѣстѣ съ братьями жер
 твуетъ до 150 тысячъ рублей на со
 оруженіе народнаго дома имени отца
 въ Тифлисѣ. Постройка этого дома
 теперь доканчивается и будетъ луч
 шимъ памятникомъ добрыхъ дѣлъ
 братьевъ Зубаловыхъ. Послѣ этого по

сыпались крупныя пожертвованія на другія учрежденія. Общая сумма ихъ достигаетъ почти $\frac{1}{2}$ милліона рублей. Небывалая у насъ, въ Тифлисѣ, цифра послѣ крупнаго пожертвованія другого Зубалова, Ник. Ег., завѣщавшаго гор. Тифлису крупный капиталъ на учрежденіе пріюта для бѣдныхъ.

Все, что появилось въ газетахъ о короткой, но плодотворной жизни недавно скончавшагося С. К., слишкомъ бѣдно и блѣдно, чтобы могло характеризовать послѣдняго.

Вотъ почему я съ особеннымъ интересомъ прочелъ недавно выпущенную брошюру З. Чичинадзе на грузинскомъ языкѣ: „Примѣрный чело-вѣкъ. Ст. Конст. Зубаловъ“.

Брошюра эта въ 74 страницы даетъ немного для характеристики покойнаго. Она наполовину состоитъ изъ общихъ разсужденій, изъ жалобъ на скупость нашихъ туземныхъ богачей, на неумѣніе ихъ творить добро, и проч.

временно скончавшейся С. В. Зуба-
ловъ. Вотъ что пишетъ о немъ ба-
кинская фельетонистка „Новаго Обо-
зрѣнія“ М. (см. № отъ 26 сентября
1904 г.):

Необычайно скромный, ненавидящій ре-
кламы, незамѣтно для широкой публики,
онъ шелъ навстрѣчу всякой нуждѣ. Посто-
янно оборачивался онъ вокругъ себя и
внимательнымъ взглядомъ окидывалъ тѣхъ,
кто нуждался въ помощи.

Онъ зналъ, что не всякій бѣднякъ,
теряя даже крайнюю нужду, рѣшится по-
стучать въ тяжелыя парадныя двери бога-
ча, что самолюбіе и гордость не позволя-
ютъ ему громко взывать къ сильнымъ мі-
ра. И къ такимъ шелъ С. К. со своей щед-
рой помощью, поступая по-евангельски,
чтобы „лѣвая рука не знала, что творить
правая“.

И какое бывало счастье на этомъ хо-
рошемъ открытомъ лицѣ, когда онъ зналъ,
что деньги отпущены во-время и праздни-
ки настали для бѣдняка съ неожиданными
радостями!

Особенно довольны были С. К.,
по словамъ той же писательницы, его
многочисленные рабочіе и служащіе
на бакинскихъ промыслахъ.

„Посмотрите, какъ они обставле-
ны!—говоритъ г-жа М.—Пройдитесь
по казармамъ: чисто, тепло, свѣтло!“

Этого нельзя сказать про другихъ
нефтепромышленниковъ, даже послѣ
жестокихъ стачекъ рабочихъ, когда
владѣльцы промысловъ поневолѣ вы-
нуждены бываютъ вспомнить о судьбѣ
своихъ кормильцевъ—своего служа-
щаго люда.

1904 г.

Но и тотъ скудный біографическій матеріалъ, который даетъ г. Чивина, очень интересенъ, интересенъ, впрочемъ, не столько для характеристики самого С. К. Зубалова, сколько современнаго общества.

Не успѣлъ С. К. вмѣстѣ съ братьями пожертвовать капиталъ на постройку народнаго дома, какъ на покойнаго уже налетѣли, какъ коршуны, люди, только именующіе себя общественными дѣятелями, въ дѣйствительности же самые злобные челоѣконенавистники.

Эти господа стали упрекать С. К., что онъ жертвуетъ свое состояніе на предметъ роскоши—театръ. Подробно этихъ упрековъ біографъ не приводитъ. Но видно, что ими сильно надѣдали покойному благотворителю. Въ біографіи приведены тѣ азбучныя истины, которыя вынужденъ былъ С. К. развивать передъ своими обвинителями. „Народный театръ,—говорилъ онъ,—то же, что школа и храмъ... Въ народномъ домѣ будетъ не только

театръ, но и библіотека, *и безымянная чайная*“.

Покойный, впрочемъ, никогда и не забывалъ жертвовать также на школы и церкви. Онъ немало далъ тифлисской дворянской школѣ, музыкальному училищу и грузинскому обществу грамотности. Около 200 тыс. рублей онъ пожертвовалъ на постройку католической церкви въ Батумѣ.

Нашлись добрые ходатаи за народныя школы для ахалцыхскихъ католиковъ. Но эти ходатаи, какъ видно изъ біографіи, не просто хлопотали за бѣдныхъ католиковъ, а всячески упрекали С. К. за то, что онъ *такъ много удѣлилъ Тифлису*.

Благотворителю пришлось защищаться. „Въ городѣ (въ Тифлисѣ),—говорилъ онъ,—тоже много бѣдняковъ, безпріютныхъ стариковъ и старухъ, безнадежно больныхъ. И ихъ жаль, и имъ нужно помочь“.

Когда зашла рѣчь объ армяно-грузинскихъ отношеніяхъ, С. К. сказалъ своему собесѣднику:

„Прошу васъ прекратить прѣдвѣдѣнныя пространства вражду и зависть между этими народностями. Какъ это возможно враждовать между собой грузинамъ и армянамъ; они изстари вмѣстѣ жили, сроднились между собой, такъ похожи другъ на друга. Мы всегда уважали армянъ, то же было и при нашемъ отцѣ, дѣдѣ и вообще во всемъ нашемъ родѣ. Прошу въ книгѣ о грузинскихъ католикахъ ничего дурного не писать объ армянахъ. Нѣтъ ничего лучше взаимной любви и уваженія“, и пр., и пр., все въ этомъ духѣ.

Если въ другихъ случаяхъ богачи нуждаются въ такой проповѣди чело-вѣколюбія, то въ данномъ случаѣ какъ будто роли перемѣнились. Богатый С. К. Зубаловъ вынужденъ былъ учить гуманности тѣхъ лицъ, которыя желали на его счетъ благотворить. Это очень характерно для нашего малокультурнаго общества.

Многіе дѣлаются филантропами изъ тщеславія. Но не такимъ былъ без-

П. I. Умикашвили.

(† 1904 г.).

П. I. Умикашвили большой публикѣ былъ извѣстенъ какъ преподаватель грузинскаго языка въ 1-й тифлисской мужской гимназiи и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведенiяхъ въ Тифлисъ въ 1860—80 годахъ. Но это не былъ шаблонный преподаватель, который, кромѣ своего предмета, ничего не знаетъ. Это былъ проповѣдникъ, проповѣдникъ горячей любви къ родинѣ и ея забытой старинѣ, проповѣдникъ гуманныхъ идей, преданности общественнымъ интересамъ, проповѣдникъ самодѣтельности и самообразованiя.

Онъ воспиталъ нѣсколько поколѣній грузинъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ настоящее время играютъ немалую роль въ общественной жизни.

Я въ ранней молодости собиралъ произведенія грузинской народной литературы. Первая мысль, которая мнѣ пришла по окончаніи работы, это— представить ее „батоно Петре“ (такъ звали Умикова). Онъ былъ привѣтливъ, благодарилъ. Съ тѣхъ поръ завязалось наше знакомство, которое затѣмъ перешло въ нѣчто большее, чѣмъ простое знакомство.

П. Умикашвили, однако, далеко не ограничивался педагогической дѣятельностью. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ горячее участіе въ литературѣ и почти во всѣхъ грузинскихъ общественныхъ дѣлахъ за послѣднія 25—30 лѣтъ.

Главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ былъ неутомимымъ собирателемъ памятниковъ грузинской старины. Имъ собраны и изданы грузинскія пословицы, проредактированы первыя изданія сборниковъ извѣстныхъ грузинскихъ поэтовъ: Дав. Гурамишвили, Ал. Чавчавадзе, Ник. Бараташвили, Гр. Орбелиани и др. Имъ же было

потрачено много труда надъ нѣкоторыми другими изданіями, выпущенными обществомъ распространенія грамотности среди грузинъ.

Когда Умикашвили началъ свою дѣятельность, какъ собиратель старины, въ Тифлисѣ не было никакихъ учреждений, которыя интересовались бы грузинской исторіей: ни богатой библіотеки общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія, ни церковнаго древлехранилища при Сіонскомъ соборѣ, ни археологическаго общества. Умикашвили былъ одинъ живой архивъ грузинской старины. Онъ ходилъ по старымъ тифлисскимъ домамъ, копался въ ихъ пыльныхъ архивахъ, готовыхъ для сбыта на базарь, въ качествѣ макулатуры, онъ отовсюду вытаскивалъ „хламъ“, перерабатывалъ его, редактировалъ и издавалъ, или хранилъ у себя, чтобы впоследствии сдать въ библіотеку общества грамотности. На все это нужно было много труда, много досуга и много средствъ.

У этого небогатаго и вѣчно бо-
таго человѣка однако находилось до-
статочно и того, и другого, и третьяго.

Я хорошо помню зиму 1875—76 гг. Онъ въ этомъ году собралъ насъ, нѣсколько молодыхъ людей, только что кончившихъ ученіе,—меня, А. И. Сараджева и Вис. Джапаридзе,—познакомилъ съ корифеями грузинской литературы и общественной дѣятельности—Ил. Чавчавадзе, Вис. Гогоберидзе и др. и изъ насъ всѣхъ образовалъ кружокъ для изданія грузинскихъ классиковъ и памятниковъ грузинской старины. Работа закипѣла горячая: собирались рукописи, деньги, завязались сношенія съ провинціей, вездѣ появились у насъ агенты. Въ теченіе менѣе чѣмъ года было издано нами нѣсколько книжекъ: стихотворенія Бараташвили (въ первый разъ), стихотворенія Ал. Чавчавадзе (въ первый разъ), грузинскія пословицы (въ первый разъ); „Король Лиръ“ Шекспира, въ переводѣ Ил. Чавчавадзе и И. Мачабели. А когда нашъ пылъ

погасъ и средства истощились. П. Умикашвили горячо бросился на другую работу. Безъ общественнаго дѣла онъ почти никогда не оставался.

По возобновленіи постояннаго грузинскаго театра въ 1879—80 гг. покойный принималъ горячее участіе въ созданіи новаго репертуара, переводилъ и передѣлывалъ пьесы, писалъ оригинальныя комедіи, собиралъ деньги, завѣдывалъ библіотекой и реквизитомъ и пр. Свои воспоминанія о возобновленіи постояннаго грузинскаго театра покойный печаталъ осенью 1899 г. въ газ. „Иверія“, по случаю исполнившагося 20-лѣтія новаго грузинскаго театра, и эти воспоминанія по справедливости признаются вполне правдивыми и полными.

Изъ написанныхъ покойнымъ пьесъ наибольшій успѣхъ имѣла первая его комедія, взятая изъ какой-то сказки, а также пьеса, изображавшая зарожденіе грузинскаго театра при бывшемъ намѣстникѣ кавказскомъ князѣ Воронцовѣ. Въ этой послѣдней пьесѣ

выведены всѣ представители тогдашня-
го бомонда, принимавшіе участіе въ
первыхъ грузинскихъ спектакляхъ.

Чтобъ образовать постоянную гру-
зинскую труппу набиралось достаточ-
но артистическихъ силъ, недоставало
только организаци и репертуара. Осо-
бенно сильно я чувствовалъ это, какъ
первый режиссеръ этой вновь образо-
вавшейся труппы. Не могу не вспом-
нить, что и въ томъ, и въ другомъ
П. Умикашвили мнѣ оказывалъ по-
сильную помощь. Онъ не пользовался
большимъ авторитетомъ среди дѣяте-
лей сцены, но не всегда его хлопоты
бывали бесполезны. Его искренняя
любовь къ родной сценѣ, энергія бра-
ли иногда вверхъ и помощь оказыва-
лась дѣйствительной.

Покойный одно время издавалъ
на грузинскомъ языкѣ „Сельскую Га-
зету“, а также принималъ участіе во
всѣхъ грузинскихъ періодическихъ из-
даніяхъ за послѣднія 40 лѣтъ: „Дро-
зба“, „Иверія“, „Кребули“, „Моамбз“
и пр. Въ своихъ публицистическихъ

статьяхъ П. І. горячо призываетъ со-
временниковъ къ самодеятельности,
безкорыстной службѣ обществу, со-
лидарности, уваженію чужой лич-
ности и проч. Покойный былъ ис-
тымъ шестидесятникомъ и бодрость
духа сохранялъ до конца дней своихъ.

П. І. не былъ человѣкомъ выдаю-
щагося таланта, но былъ публици-
стомъ горячихъ убѣжденій и вмѣстѣ
съ тѣмъ трезваго ума. Модныя тече-
нія его никогда не увлекали, и онъ
стойко держался идей шестидесятыхъ
годовъ.

Особенно онъ мнѣ памятенъ въ
1897 г. Въ этомъ году на нашемъ го-
ризонтѣ появился Величко со своею
проповѣдью крайняго націонализма. У
нѣкоторыхъ грузинскихъ писателей
закружилась голова, и они сразу по-
забыли все, что проповѣдывали всю
свою жизнь. П. І. былъ приятнымъ
исключеніемъ. Я получилъ отъ него
письмо, которое и не замедлилъ опуб-
ликовать въ своемъ фельетонѣ въ
„Нов. Об.“, скрывъ имя автора (я не

желалъ этого скромнаго человека дѣ-
 лать достояніемъ ожесточенной
 мики, ведшейся въ то время вокругъ
 городскихъ выборовъ въ Тифлисъ).
 Это былъ голосъ трезвой правды, это
 былъ ушатъ холодной воды на разго-
 ряченные головы неудержимыхъ поле-
 мистовъ.

Вотъ сущность этого письма:

„Грузинскія газеты въ настоящемъ
 вопросѣ надѣлали массу ошибокъ. Же-
 лая идти противъ группы городскихъ
 заправиль, газеты эти почему-то пред-
 приняли походъ противъ всего армян-
 скаго населенія гор. Тифлиса (сдѣлан-
 ные газетами въ этомъ случаѣ ого-
 ворки ничтожны). Кромѣ того, дѣ-
 лу *хозяйственнаго* управленія городомъ
 придали какой-то политической харак-
 теръ: армяне отнимаютъ, молъ, у насъ
 столицу! Карауль!

„Все это можетъ повести не къ
 развитію дарованнаго намъ закономъ
 самоуправленія, а къ его *ограниченію*.
 Между тѣмъ, грузины вовсе не нужда-
 ются въ такомъ опасномъ орудіи для

того, чтобы достигнуть участия въ городскихъ дѣлахъ.

„Напротивъ, я увѣренъ, грузины много выиграютъ, если они будутъ стремиться къ противоположной цѣли — расширенію избирательныхъ правъ тифлисцевъ. Грузины — народъ бѣдный. Если существующій имущественный цензъ демократизировать, то, само собою, грузины получатъ большій доступъ въ городское управленіе. Если, напримѣръ, ввести квартирный налогъ, какъ предполагало и правительство, или возбудить ходатайство о пониженіи существующаго въ Тифлисѣ избирательнаго имущественнаго ценза (1,500 руб.) до нормы, существующей въ нѣкоторыхъ другихъ менѣе населенныхъ городахъ, то само собою повысится процентъ грузинъ, имѣющихъ право участвовать въ городскихъ выборахъ.

„Но грузинская печать никакихъ такихъ путей, которые вели бы къ положительнымъ результатамъ, не указываетъ, и полемику переноситъ на

почву травли и личных оскорблений".

Въ этихъ немногихъ строкахъ вопросъ ставится ребромъ и, по моему крайнему разумѣнію, разрѣшается правильно.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь слышенъ голосъ человѣка убѣжденнаго, твердо руководствующагося извѣстными принципами, а не софиста, играющаго блестящими афоризмами.

Это было ересью для грузинскихъ патріотовъ въ то время. Но не прошло и 3—4 лѣтъ, какъ въ томъ же тонѣ заговорила грузинская молодежь и прогрессивная часть грузинской печати. Слѣпой фанатизмъ или поддѣлка подъ него плохіе совѣтчики въ жизненной борьбѣ. Гораздо болѣе пользы можетъ оказать здравый смыслъ. И онъ-то именно подсказалъ Умикашвили, что пламенный патріотизмъ можетъ быть совмѣстимъ съ уваженіемъ правъ чужой національности. Умикашвили не былъ столь талантливъ какъ другіе современные ему грузинскіе пу-

блицисты, но несомнѣнно были презрѣнны и разсудительны и ихъ. Этого робко выясняется отчасти тѣмъ, что Умикашвили былъ чуть не единственный грузинскій писатель, который хорошо зналъ армянское общество, армянскій языкъ и армянскую литературу, а не судилъ объ армянскихъ дѣлахъ и настроеніи общества по русскимъ газетамъ, какъ это дѣлали грузинскіе писатели ранѣе, какъ это дѣлаютъ они и теперь, ошибочно считая армянскими газетами „Новое Обозрѣніе“, „Тифлисскій Листокъ“ и другіе издающіеся на русскомъ языкѣ органы. Это нужно приписать только невѣжеству тѣхъ публицистовъ, которые лѣнятся серьезно изучить предметъ, о которомъ любятъ часто писать. Не таковъ былъ покойный Умикашвили.

1904 г.

А. Т. Нанейшвили.

(† 1904 г.).

Къ тому же разряду незамѣтныхъ героевъ, къ которому принадлежалъ П. Умиковъ, нужно отнести и А. Нанейшвили, преждевременно (около 50 лѣтъ отъ роду) скончавшагося въ одинъ годъ съ первымъ.

А. Нанейшвили учился медицинѣ въ Петербургѣ, но, не окончивъ курса въ медико-хирургической академіи, „по независящимъ отъ него обстоятельствомъ“ долженъ былъ вернуться на родину. Вскорѣ послѣ этого онъ вновь долженъ былъ предпринять невольное путешествіе, въ дальніе негостепріимные края. Служеніе народу, вмѣстѣ съ другими семидесятниками, покойному А. Нанейшвили обходилось, такимъ образомъ, очень недешево.

Вернувшись, наконецъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія

на родину, Нанейшвили ~~завидея~~ ^{завидея} ли-
тературой.

Живо интересуясь экономическими и общественными вопросами и страстно любя литературу, покойный А. Н. много писалъ въ грузинскихъ изданіяхъ и одно время даже редактировалъ газету „Иверія“. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ Тифлисъ и поселился въ Кутаисъ, гдѣ, занимая скромныя должности—оцѣнщика михайловскаго дворянскаго земельного банка и затѣмъ секретаря совѣта съѣзда марганцепромышленниковъ, находилъ все же время принимать дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ: состоялъ секретаремъ кутаисскаго отдѣла кавказскаго общества сельскаго хозяйства, гласнымъ мѣстной городской думы, распорядителемъ товарищества изданія грузинскихъ книгъ и пр., безкорыстно неся всѣ эти обязанности. Покойный принималъ горячее участіе и въ дворянскихъ комиссіяхъ, являясь тамъ иниціаторомъ разныхъ прогрессивныхъ начинаній. Многіе не-

разъ обращали вниманіе на передовые взгляды кутаисскаго дворянства и его прекрасно мотивированныя ходатайства. Немалая заслуга въ этомъ принадлежала покойному А. Т. Нанейшвили и кружку, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей.

Не отличаясь ни краснорѣчіемъ, ни крупнымъ литературнымъ талантомъ, покойный тѣмъ не менѣ пользовался большимъ вліяніемъ на кутаисскую интеллигенцію благодаря своей беззавѣтной преданности общественнымъ интересамъ, серьезному литературному образованію и твердости своихъ убѣжденій. Воспринявъ передовыя идеи русскихъ семидесятниковъ, А. Н. систематически проводилъ ихъ въ жизнь: и практически, принимая дѣятельное участіе почти во всѣхъ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, и путемъ печатнаго слова, развивая свои взгляды въ газетахъ, преимущественно въ „Новомъ Обозрѣніи“, и грузинскомъ журналѣ „Моамбе“. Въ „Но-

вомъ Обозрѣнiи“ покойный А. Н. писалъ въ послѣднiя 15 лѣтъ, занимая въ немъ передовыя статьи и корреспонденцiи разнымъ жгучимъ вопросамъ дня. Онъ въ этихъ статьяхъ всегда выступалъ борцомъ за правду и передовыя идеи, безпрестанно полемизируя съ людьми, безцеремонно желающими пристроиться къ общественному пирогу, съ людьми безъ принциповъ, съ вредными общественными инстинктами, съ людьми, иногда маскирующимися передовыми дѣятелями, а иногда выступавшими безъ всякой маски, съ голымъ цинизмомъ.

А. Н. писалъ за подписью *А. На—ли* статьи и корреспонденцiи объ образовательныхъ нуждахъ кутаисцевъ, о кутаисскихъ городскихъ дѣлахъ, о дѣлахъ михайловскаго дворянскаго земельного банка, о дѣлахъ създа марганцепромышленниковъ, о дворянскихъ ходатайствахъ по вопросамъ о введенiи земскихъ учреждений и суда присяжныхъ въ Кутаисской губернiи и проч.

Статьи эти производили впечатлѣніе на читателей, такъ какъ все сказанное въ нихъ было глубоко продумано авторомъ, строго взвѣшено и проникнуто горячею преданностью общественному благу.

Въ бытность мою редакторомъ „Новаго Обозрѣнія“, мнѣ не разъ приходило на мысль пригласить А. Н. въ качествѣ ближайшаго своего сотрудника, но всегда останавливали меня слова, сказанныя мнѣ однимъ кутаисцемъ: „вы хотите отнять у насъ дѣятеля, который является душой всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣлъ. Это будетъ тяжелый ударъ для всего Западнаго Закавказья“.

Такая тяжелая нравственная отвѣтственность передъ цѣлымъ краемъ невольно пугала меня и вынуждала отказаться отъ любимой своей мечты — видѣть А. Н. въ Тифлисѣ, руководителемъ горячо любимой имъ газеты. Прошло немного лѣтъ послѣ того и судьба безжалостно вырвала изъ тѣсной интеллигентной среды одного изъ

лучшихъ ея дѣятелей. Мѣстное общество и печать лишились въ этой формѣ рѣдкаго по трудолюбію, образованію, проникновенности идеею, стойкости убѣжденій дѣятеля и честнаго человѣка.

Между тѣмъ мѣстная печать прошла почти молчаніемъ потерю этого удивительно скромнаго, но полезнаго дѣятеля. Наболѣе теплыя строки посвятилъ его памяти сотрудникъ „Нов. Об.“ г. Ом. Онъ, между прочимъ, писалъ:

„Въ родномъ обществѣ А. Н. былъ безусловно гражданиномъ - рыцаремъ безъ страха и упрека, внося свою гражданскую стойкость и въ газетную работу, которой онъ былъ преданъ всей душой, которой онъ жаждалъ посвятить себя всецѣло, но что, къ несчастію, у преждевременно скончавшагося человѣка такъ и осталось несбыточной мечтой.

„Судьба въ личной жизни вообще не баловала покойнаго. Необезпеченная юность, томительные годы вдали

отъ родины, неизлѣчимая болѣзнь въ
впослѣдствіи и опять-таки необезпе-
ченное существованіе до конца дней,
при постыломъ канцелярскомъ трудѣ,
съ тщетной мечтой о любимомъ тру-
дѣ,—все это дѣлало жизнь покойнаго
положительно страдальческою. Но ни-
когда ни жалобы, ни упрека на свою
несчастно сложившуюся жизнь не сры-
валось съ устъ покойнаго. Онъ безро-
потно переносилъ свою горькую долю,
и въ этомъ было дѣйствительно высо-
кое геройство“ *).

Вотъ какъ протекаетъ жизнь луч-
шихъ у насъ общественныхъ дѣяте-
лей!

1904 г.

*) См. „Нов. Об.“ отъ 27 августа и 11
сентября 1904 г.

Кн. Н. Д. Мингрельскій.

(† 1903 г.).

Недавно умеръ послѣдній владѣтельный князь на Кавказѣ—Ник. Дав. Мингрельскій. Но въ дѣйствительности онъ былъ владѣтельнымъ княземъ только въ дѣтствѣ; по достиженіи же совершеннолѣтія, получивъ отъ русскаго правительства милліонъ рублей и обширныя имѣнія въ Мингреліи, онъ отрекся отъ своихъ владѣтельскихъ правъ. Съ присоединеніемъ Закавказья къ Россіи, сдѣлалось затруднительнымъ сохраненіе самостоятельности Мингреліи. Появилась тамъ русская партія, стали раздирать страну междоусобицы, и Мингрелія была присоединена къ Россіи окончательно *).

*) Объ этомъ см. подробнѣе въ книгѣ В. Иваненко и въ фельетонѣ Х. Х.—„Нов. Об.“, 18 февраля 1903 г.

Въ жизни покойнаго Мингрельскаго, какъ и въ жизни его страны, было много блеска, но и много драматизма.

Кн. Мингрельскій былъ сынъ все-сильнаго владѣтельнаго князя Мингрелии Давида, но самъ, какъ сказано выше, никогда фактически владѣтелемъ не былъ. Это потому, что, когда умеръ отецъ, сынъ былъ малолѣтень, и страной управляла его мать. А затѣмъ пошли крестьянскія волненія, присоединеніе Мингрелии къ Россіи, и кн. Мингрельскій вмѣстѣ съ матерью были вызваны въ Петербургъ. Здѣсь молодого князя встрѣчаютъ ласково; его окружаютъ почетомъ, онъ женится на дочери тогдашняго министра двора гр. Адлерберга; онъ жалуется въ флигель-адъютанты, а затѣмъ производится въ генераль-майоры свиты Его Величества. Онъ, правда, теряетъ корону на своей родинѣ, но его манитъ счастье въ другіе края. Онъ черезъ сестру (Мюратъ) роднится съ цесарскою императрицею.

а немного позже, послѣ отреченія принца Баттенберга, онъ является претендентомъ на болгарскій престолъ. Но и тутъ скоро блескъ уступаетъ суровой прозѣ. Иностранныя государства противятся его водворенію въ Болгаріи и князь въ качествѣ частнаго человѣка возвращается домой, въ Мингрелію, гдѣ его ожидаетъ скучная возня съ безконечными межевыми, выкупными и иными земельными спорами. Онъ какъ бы сходитъ съ общественной арены, и проза прочно водворяется въ его скитаніяхъ изъ Мингреліи въ Петербургъ и обратно.

Первая же половина его жизни совпадаетъ съ эпохой большого оживленія. Тутъ и турецкая кампанія, тутъ и всеобщее броженіе въ Кутаисской губерніи, тутъ и обширныя связи съ Тифлисомъ и Петербургомъ и пр., и пр. Наполеоновскій дворъ и широкая жизнь въ Парижѣ, русскій дворъ при Императорѣ Александрѣ II, владѣтельные дома Абхазіи и Сванетіи. Воронцовъ, кн. Барятинскій,

бар. Николаи, Д. И. Кипіани, семья
 извѣстнаго грузинскаго поэта и вѣте
 рана кн. Ал. Чавчавадзе, — всѣ они
 играли крупную роль въ судьбѣ князя
 Мингрельскаго.

Для всесторонней исторіи этой
 эпохи еще не настало время, но не
 сомнѣваюсь, что въ будущемъ она
 дастъ обильный матеріалъ не только
 для историческихъ изслѣдованій, но
 и для весьма интересныхъ историче-
 скихъ романовъ и драмъ.

Я бы, однако, не коснулся этой
 суетной жизни, если бъ у кн. Мин-
 грельскаго не было политической жил-
 ки. Онъ, хоть и неофициально, былъ
 истымъ представителемъ высшихъ ин-
 тересовъ своего народа. Онъ много
 читалъ, много наблюдалъ и многое
 зналъ о своей родинѣ, и если пред-
 ставлялся случай, то умѣлъ отстаивать
 интересы родного края.

Недавно въ газетѣ „Иверія“ было
 напечатано интересное письмо по-
 чаго князя къ

грельскій въ этомъ писаніи касается
 вопроса о роли грузинскаго языка и
 письменности въ Мингрелии. Въ Мин-
 грелии, по свидѣтельству ея бывшаго
 владѣтельнаго князя, грузинскій языкъ
 изстари употреблялся и при богослу-
 женіи, и въ официальной перепискѣ,
 и въ литературѣ. Онъ замѣнялъ собой
 во всѣхъ этихъ случаяхъ мингрель-
 скій языкъ, который не имѣлъ пись-
 менности. Все это давно всѣмъ было
 извѣстно, и тѣмъ не менѣе лѣтъ 20
 тому назадъ, при предмѣстникѣ архіеп-
 Палладія, возникъ вопросъ, не надо
 ли возстановить въ Мингрелии мин-
 грельскій языкъ во всѣхъ указанныхъ
 случаяхъ, предварительно изгнавъ от-
 туда грузинскій языкъ. Сочиненъ былъ
 даже особый мингрельскій алфавитъ.
 Архіеп. Палладій, выслушавъ автори-
 тетный голосъ кн. Н. Д. Мингрель-
 скаго, оставилъ въ силѣ изстари вве-
 денный обычай совершать богослуже-
 ния на грузинскомъ языкѣ и обучать
 грузинской грамо-

провалился, впрочемъ ненадолго, такъ какъ проектъ этотъ временами вновь возникалъ и получалъ осуществленіе, несмотря на всю свою нелѣпность.

Въ данномъ случаѣ интересно то, что народу навязывался языкъ и алфавитъ, которыхъ онъ не хотѣлъ, и отнималось то, что онъ изстари считалъ своимъ. Эти же прожектеры лишали грузинскаго языка не только мингрельцевъ, но и всѣхъ грузинъ. Грузинскій простолюдинъ во многихъ церквахъ былъ лишенъ возможности слушать богослуженіе на родномъ, единственно понятномъ ему языкѣ. Это едва ли могло поддержать въ немъ религіозность и утвердить его въ правилахъ вѣры. Вотъ почему арх. Палладій, слѣдовавшій правилу „гласъ народа—гласъ Божій“, свободно предоставлялъ каждому молиться на языкѣ, на которомъ онъ привыкъ молиться. Всякая же иная система можетъ быть названа политиканствомъ и притомъ противоестественнымъ. Такое политиканство, конечно, не можетъ не

Итоги недавняго кавказскаго управленія.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года произошли крупныя перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи Кавказа. Вмѣстѣ съ этимъ произошло и нѣкоторое измѣненіе курса въ административномъ управленіи этимъ краемъ. Оглядываясь на только-что закончившійся періодъ, невольно является желаніе подвести ему итоги.

Періоду этому нельзя отказать въ систематичности и послѣдовательности. Это была очень яркая полоса. Здѣсь неуклонно проводилась система покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ Плеве еще ранѣе, чѣмъ она примѣнялась въ общемъ управленіи имперіи. Отличительными чертами этого періода кавказскаго управленія

Итоги недавняго кавказскаго управленія.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года произошли крупныя перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи Кавказа. Вмѣстѣ съ этимъ произошло и нѣкоторое измѣненіе курса въ административномъ управленіи этимъ краемъ. Отглядываясь на только-что закончившійся періодъ, невольно является желаніе подвести ему итоги.

Періоду этому нельзя отказать въ систематичности и послѣдовательности. Это была очень яркая полоса. Здѣсь неуклонно проводилась система покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ Плеве еще ранѣе, чѣмъ она примѣнялась въ общемъ управленіи имперіи. Отличительными чертами этого періода кавказскаго управленія

нужно счесть стремленіе къ ^{математи-}математическому обрусенію края и ^{обитате-}обитателей репрессивныхъ мѣръ. Посмотримъ же, въ чемъ эта система выразилась — и какіе плоды она принесла.

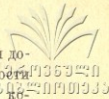
Съ первыхъ своихъ шаговъ администрація стала замѣщать почти всѣ вакансіи военнослужащими и лицами русскаго происхожденія, преимущественно вновь пріѣзжими въ край и неимѣющими съ населеніемъ никакой связи. Такимъ образомъ замѣщались не только высшія должности (губернаторовъ, вице-губернаторовъ, чиновниковъ канцеляріи главноначальствующаго и пр.), но и низшія должности, не исключая даже должностей низшихъ чиновъ полицейской стражи и дворниковъ. Эти низшіе агенты назначались въ мѣстности, гдѣ они не знали ни дорогъ, ни общаго мѣстоположенія, ни языковъ, ни обычаевъ мѣстнаго населенія. И на этихъ-то чиновъ было возложено преслѣдованіе разбойниковъ. Несмотря на то, что штатъ уѣздной полиціи былъ значи-

тельно усиленъ, спокойствіе въ краѣ отъ этого мало выиграло. Разбои въ послѣднее время случаются даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ о нихъ прежде не было слышно (напримѣръ, въ Дагестанской области). Къ общимъ преступленіямъ прибавились еще преступленія противъ должностныхъ лицъ, преступленія, которыя прежде почти вовсе не наблюдались. Въ теченіе одного лишь послѣдняго года съ небольшимъ были убиты елисаветпольскій вице-губернаторъ Андреевъ, сурмалинскій уѣздный начальникъ Богуславскій, и. д. шушинскаго полицій-мейстера Сахаровъ, шушинскій податной инспекторъ Щербаковъ, подполковникъ пограничной стражи Быковъ, околоточный надзиратель въ Тифлисѣ Теръ-Сааковъ и письмоводитель карскаго жандармскаго управленія Гроздовъ; произведено было покушеніе на жизнь главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, кн. Г. С. Голицына и эчміадзинскаго уѣзднаго начальника Шмерлин-

га (двукратно). Не упоминаю о цѣломъ рядѣ другихъ менше, ~~врушакъ~~ убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, почти исключительно приставовъ, городскихъ и разныхъ агентовъ полиціи.

Усиленіе штатовъ полицейской стражи въ послѣдніе годы вызвало усиленіе налоговъ. Существовавшій до того подымный сборъ (соотвѣтствовавшій подушной подати, взимавшейся во внутреннихъ губерніяхъ) былъ крайне недостаточенъ для новыхъ полицейскихъ штатовъ, и былъ поэтому введенъ поземельный налогъ. Налогъ этотъ, введенный наскоро съ указанной цѣлью, вызвалъ многочисленныя жалобы въ населеніи. Налогу этому должно было предшествовать подробное обслѣдованіе земель, подлежащихъ обложенію. Но такого обслѣдованія не было сдѣлано, и налогъ едва ли достигъ своей цѣли—равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія налогового бремени. Имѣнія, которыя не давали никакого дохода своимъ соб-

ственникамъ, вслѣдствіе отсутствія до-
рогъ, неразмежеванности и спорности
владѣній, обременялись налогомъ, ко-
торого не въ силахъ былъ выплатить
владѣлецъ. Съ этимъ налогомъ легко
мирятся во внутреннихъ губерніяхъ,
потому, во-первыхъ, что расходование
его, въ значительной своей части, во-
ложено тамъ на выборныя земскія
учрежденія, а не на чиновниковъ,
оторванныхъ отъ живой дѣйствитель-
ности и неспособныхъ удовлетворить
мѣстныя потребности, и, во-вторыхъ,
что налогъ этотъ тамъ идетъ, въ зна-
чительной своей части, не на содер-
жаніе полицейской стражи, а на удо-
влетвореніе другихъ, болѣе существен-
ныхъ мѣстныхъ потребностей: на мѣ-
стное благоустройство, на медицин-
скую часть, народное образованіе, до-
роги и пр.

Въ видѣ примѣра приводимъ нѣ-
которыя данныя закавказской земской
смѣты за 1901 годъ (см. газету „Кав-
казъ“ 1901 года, № 1). На содержа-
ніе полицейской стражи было пред-

назначено—2.361.460 руб.; на участие земства въ расходахъ и правительственныхъ учреждений, въ томъ числѣ и по содержанію полицейской стражи—2.675.718 руб. (67,47%). Понятно, что послѣ этого на народное образованіе расходовалось только 121.324 руб. (3,06%) и на общественное призваніе—48.198 руб. (1,22%).

При разсмотрѣніи проекта сметы въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ говорятъ, было обращено вниманіе на то, что огражденіе населенія отъ каждаго разбойника обходится чуть не по нѣсколько тысячъ рублей, и что, такимъ образомъ, содержаніе стражи стоитъ населенію гораздо дороже, чѣмъ ущербъ отъ разбойничьихъ нападеній.

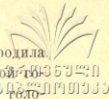
Земскіе налоги все росли, а земскія учрежденія все же не вводились и мѣстныя нужды оставались неудовлетворенными. Не помогали въ этомъ отношеніи ходатайства многочисленныхъ учреждений, просившихъ о введеніи земства: тифлисскаго и кутаис-

скаго дворянствѣ, създовѣ врачей, хлопководовѣ, дѣятелей садовыхъ культуръ, Императорскаго кавказскаго общества сельскаго хозяйства и др. Не только не было введено земское самоуправленіе, но и дѣйствующее городское самоуправленіе было значительно ограничено.

Власть главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ была въ 1897 г. расширена, причемъ она приближена къ власти генераль-губернаторовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ дѣйствуетъ положеніе объ усиленной охранѣ. Въ силу этого закона и Высочайше утвержденныхъ 15 мая 1899 года временныхъ правилъ, главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ предоставлено безъ суда устранять отъ должностей гласныя въ городскихъ думахъ, городскихъ головъ, членовъ управы и служащихъ вообще по городскому управленію и замѣщать эти должности по своему усмотрѣнію. Достойно вниманія, что эти правила не прошли обычный законодательный

путь (черезъ государственный совѣтъ), а были приняты лишь ^{комитетомъ} министровъ. Такимъ образомъ, ^{поло-}женіе комитета министровъ отмѣнило основныя начала городского положенія 1892 г., дѣйствующаго въ закавказскихъ городахъ.

Ограниченія эти болѣе другихъ испытала на себѣ городъ Тифлисъ, имѣющій наиболѣе интеллигентную думу. Тифлисская дума рѣшила въ 1898 г. выкупить у бельгійскаго анонимаго общества трамвай. Но администрація не только отмѣнила это постановленіе, но и назначила ревизію дѣлъ городского общественнаго управленія. Были удалены отъ должности два члена управы. Органъ кавказскаго управленія, газета „Кавказъ“, устами своего редактора, покойнаго Величко, возвѣстилъ, что въ городскомъ управленіи открыты злоупотребленія. Вѣсть объ этихъ злоупотребленіяхъ разнесъ по всей Россіи телеграфъ, въ лицѣ тифлискаго агента „Россійскаго телеграфнаго агентства“, все того же:

Величко. Между тѣмъ гора родила мышь. Весь составъ тифлисской городской управы, съ городскимъ головою, преданный суду, былъ оправданъ.

Тѣмъ не менѣе, неутвержденіе избираемыхъ на городскія должности лицъ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, причемъ для общества оставались неизвѣстными мотивы такихъ мѣръ. Въ сухумскіе городскіе головы, напримѣръ, были нѣсколько разъ избираемы чиновники, занимавшіе видныя должности по администраціи и суду, но они не были утверждаемы въ должности головы, а было назначено постороннее лицо, совершенно незнакомое съ краемъ и вынужденное обстоятельствами отказаться отъ мѣста ранѣе истечения срока службы. Въ теченіе только послѣднихъ 3-хъ лѣтъ по тифлисскому городскому управленію было четыре случая неутвержденія въ должности: одинъ разъ—городского головы, два раза—члена управы и одинъ разъ—секретаря управы.

Въ теченіе того же короткаго сро-

ка не были утверждены городскіе гол-
ловы въ Эривани и Шуиѣ, и деловы управы въ Кутаисѣ, Багумѣ и Сухумѣ. Всѣхъ подобныхъ случаевъ не перечсть въ настоящей бѣглѣй замѣткѣ.

Но болѣе всего ограничены были въ своихъ дѣйствіяхъ армянскія благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія. Существовавшее давно въ Тифлисѣ общество изданія армянскихъ книгъ было закрыто безъ объясненія причинъ. Распоряженіе это непонятно даже съ узко-обрусительной точки зрѣнія, такъ какъ названное общество большею частью переводило и издавало извѣстныхъ русскихъ авторовъ и такимъ образомъ популяризировало ихъ произведенія въ темной армянской массѣ.

Уставъ армянскаго благотворительнаго общества въ Тифлисѣ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что оно лишено было права имѣть свои отдѣленія въ другихъ городахъ Закавказья.

Вслѣдствіе этого сразу было закрыто 18 отдѣленій этого общества,

а вмѣстѣ съ ними были закрыты библиотеки и читальни, учрежденныя при нихъ. То же общество по новому уставу лишилось весьма важнаго права—выдавать пособія учащимся. Общество можетъ теперь помогать только нищимъ.

Армяне въ Закавказьѣ хотя и живутъ совмѣстно съ другими народностями—грузинами и татарами, но искони имѣли особыя школы, содержащіяся духовенствомъ,—такъ какъ, имѣя особую вѣру и особый языкъ, нуждались въ особыхъ преподавателяхъ. Школы эти, однако, какъ не удовлетворявшія программѣ правительственныхъ училищъ, были большею частью закрыты начальствомъ въ январѣ 1896 года. А такъ какъ вмѣсто нихъ начальство не озаботилось открыть новыя школы, то тысячи армянскихъ дѣтей въ селеніяхъ и небольшихъ кавказскихъ городахъ оставались вовсе безъ ученія.

Вслѣдъ за этимъ были отобраны въ казну сначала имѣнія, принадле-

жавшія армянскимъ шведомъ, за-
тѣмъ и всѣ имущества армянской
церкви. Эти распоряженія армян-
ское духовенство считаетъ незакон-
ными и чрезъ своего главу возбудило
ходатайство объ отмѣнѣ ихъ. Неза-
конными считаются эти распоряже-
нія, во-первыхъ, потому, что они ка-
саются не только русско-подданныхъ,
но и подданныхъ иностранныхъ пра-
вительствъ, такъ какъ отобранныя
имущества принадлежать всей армя-
но-григоріанской церкви, находящейся
и внѣ предѣловъ Россіи, и, во-вто-
рыхъ, распоряженія эти созданы по-
ложеніемъ комитета министровъ и не
могутъ отмѣнить законы, прошедшіе
черезъ государственный совѣтъ, зако-
ны, предоставляющіе армянской цер-
кви владѣть означенными имущества-
ми на правѣ полной собственности
(IX т. св. зак.) *).

*) Правилами 12 іюня 1903 года ото-
брано отъ армянской церкви только право
владѣнія и распоряженія имуществами, но
это въ дѣйствительности равносильно ото-
бранію права собственности.

Считая упомянутыя распоряженія незаконными, армянское духовенство отказалось принять отъ казны какія бы то ни было денежныя выдачи. Не имѣя же никакихъ другихъ средствъ къ существованію, духовенство это буквально голодаетъ, а состоящія при немъ учрежденія должны будутъ закрытыя, если не будутъ возвращены отобранныя у него имущества.

Отобраніе церковныхъ имуществъ произвело на армянское населеніе сильное впечатлѣніе, такъ какъ имущества эти принадлежали въ дѣйствительности не только армянской церкви, но и цѣлому армянскому народу. При учрежденіяхъ армянскаго духовенства существуютъ попечительства изъ прихожанъ и вообще свѣтскій элементъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ этихъ учреждений. Вотъ почему означенныя распоряженія были равносильны уничтоженію самоуправленія среди армянскаго населенія. Другіе виды самоуправленія крайне ограничены у армянъ. Не гово-

ря о фиктивности сельск. самоуправленія, чѣла котораго вершатся подъ сильнымъ давленіемъ полиц. власти, необходимо отмѣтить, что армяне-дворяне большей частью не утверждены до сихъ поръ въ своихъ сословныхъ правахъ и не имѣютъ сословныхъ учреждений. Земскаго самоуправленія въ Закавказьѣ, какъ выше было упомянуто, тоже вовсе не существуетъ. А власть городского самоуправленія на практикѣ сведена къ нулю. Объ ограниченіи же дѣятельности армянскихъ благотворительныхъ обществъ и состоящихъ при нихъ просвѣтительныхъ учреждений уже говорилось выше.

Вотъ почему взаимныя отношенія мѣстной администраціи и кавказскихъ армянъ въ послѣднее время сильно обострились. Населеніе, считавшееся искони мирнымъ и лойальнымъ, въ настоящее время слыветъ за самое безпокойное. Таковы плоды ряда безтактностей, допущенныхъ бывшею кавказскою администраціей по отношенію къ совершенно благонадежному до

того въ политическомъ смыслѣ элементу.

За рассматриваемый періодъ на печать сыпались карательныя мѣры, какъ изъ рога изобилія. По представленію мѣстной администраціи, одни органы были совсѣмъ закрыты (армянская газета „Ардзаганкъ“, грузинская газета „Квали“), другіе—пріостанавливались на болѣе или менѣе продолжительное время—отъ 2-хъ до 8-ми мѣсяцевъ. Была даже попытка довести одну изъ мѣстныхъ газетъ до добровольнаго закрытія. Тифлисское „Новое Обозрѣніе“ было два раза пріостановлено передъ подпиской, въ ноябрѣ, причемъ пріостановка мотивировалась общимъ „вреднымъ направленіемъ“ газеты, которое, полагаемъ, можно было замѣтить не только въ ноябрѣ, но и въ другое время года. Эти суровыя мѣры противъ *подцензурной* печати вызывали недоумѣніе въ обществѣ. Многіе не могли понять, почему цензура оказывается недостаточной для пре-

сѣченія вреднаго направленія газетъ.

Очень характерны тѣ мотивы, которыми руководствовалась администрація, преслѣдуя печать. Такъ, напри- мѣръ, извѣстно, что въ числѣ мотивовъ закрытія „Новаго Обозрѣнія“ на 8 мѣсяцевъ, въ 1899—1900 гг., значилось печатаніе газетой статей о необходимости введенія на Кавказѣ земскихъ учрежденій и суда присяжныхъ и учрежденія высшаго учебнаго заведенія. Особенно интересно это послѣднее обстоятельство. Кавказъ имѣетъ много среднихъ учебныхъ заведеній (преимущественно гимназій). Въ нихъ кончаетъ ежегодно по нѣсколь- ко сотъ молодыхъ людей, изъ кото- рыхъ, однако, многіе или вовсе не поступаютъ въ высшія учебныя заве- денія, или, поступивъ туда, не конча- ютъ курса и возвращаются обратно. Происходитъ это оттого, что во всемъ обширномъ Кавказскомъ краѣ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведе- нія. Приходится ѣхать на далекій, не-

гостепріимный для южанъ съверъ.
 Многіе изъ тѣхъ, которымъ удалось
 попасть туда, возвращаются обратно,
 разстроивъ тамъ свое здоровье отъ
 холода и голода. На эту насущную
 потребность края отозвались нѣкото-
 рые кавказскіе города, во главѣ съ
 Тифлисомъ, и разныя общественныя
 учрежденія, которыя заявили готов-
 ность принять на себя часть расхо-
 довъ на будущій университетъ или
 политехникумъ. Мѣстной администра-
 ціи оставалось, казалось бы, только
 радоваться этому всеобщему стремле-
 нію къ просвѣщенію. Ей слѣдовало
 поддержать возбужденное тифлискимъ
 городскимъ сзмоуправленіемъ соотвѣт-
 ствующее ходатайство передъ высшимъ
 петербургскимъ начальствомъ, которое
 повидимому сочувственно относилось
 къ такимъ ходатайствамъ. Но не тутъ-
 то было. Это ходатайство не только
 не было поддержано, но даже мысль
 о немъ была признана преступной, и
 газета, горячо пропагандировавшая
 идею о необходимости высшаго учеб-

наго заведенія на Кавказѣ, можно
сказать, была приговорена къ смерти
—была закрыта на цѣлыхъ 8 мѣся-
цевъ.

До сихъ поръ велась рѣчь здѣсь только о репрессивныхъ мѣрахъ. Что же касается организаціонной работы, то ея было немного. Это—поземельное устройство государственныхъ крестьянъ, пользующихся казенными участками, и переселенческое дѣло. Первое, впрочемъ, относится скорѣе къ заботамъ не общей кавказской администраціи, а специально мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Что же касается переселенческаго дѣла, то оно не имѣло успѣха.

Дѣло въ томъ, что представленіе о Кавказѣ, какъ о краѣ богатомъ и обильномъ свободными землями, сильно преувеличено извѣстною частью печати и бюрократіи. Всѣ пригодныя къ легкой обработкѣ земли уже заняты мѣстными жителями. Земли же безводныя или болотистыя требуютъ большихъ

предварительныхъ затратъ для приве-
денія ихъ въ годность. Этихъ затратъ
къ сожалѣнію, не дѣлалось и прихо-
дилось часто отводить переселенцамъ
земли, уже занятыя мѣстными жите-
лями.

Вотъ что находимъ по этому поводу
въ официальной газетѣ мѣстной админи-
страціи „Кавказъ“ (см. № 2 за 1904 г.).
По даннымъ этой газеты, работы
по изслѣдованію земель, въ отношеніи
ихъ пригодности для колонизаціи, ве-
лись въ 1903 г. почти по всему За-
кавказью, преимущественно въ райо-
нахъ лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ
(т. е. тамъ, гдѣ главнымъ образомъ
имѣются еще свободныя земли). Изъ
общей площади такихъ изслѣдован-
ныхъ земель, заключающей въ себѣ до
381.000 дес., только 36,000 дес., т. е.
менѣе 10%, признаны удовлетворяю-
щими условіямъ, необходимымъ для
осѣдлой жизни и въ то же время для
веденія хозяйства. Остальная же часть
изслѣдованнаго пространства, а имен-
но 345,000 десятинъ, оказалась для

переселенческой дѣли непригодной)^{*)} оказалась и бѣльшая часть полосы черноморскаго побережья (главнымъ образомъ вслѣдствіе климата и болотистой почвы), куда столичная печать особенно усердно приглашала ихъ.

Между тѣмъ, эта же полоса, привлекавшая къ себѣ малоземельныхъ туземцевъ Кутаисской и отчасти другихъ губерній Закавказья, сдѣлалась для нихъ недоступной, по представленію мѣстной администраціи и распоряженію петербургскихъ канцелярій.

Достойно вниманія, что запрещеніе переселенія крестьянъ изъ Кутаисской губерніи въ Сухумскій округъ и Черноморскую губернію совпало во времени съ крайнимъ обостреніемъ отношеній крестьянъ Кутаисской губерніи къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и

*) Нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о переселенческомъ дѣлѣ на Кавказѣ можно найти также въ статьѣ покойнаго Иванова, въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1900 г., № 4.

усиленіемъ аграрныхъ преступленій и разбоевъ въ этой губерніи. Убийства землевладѣльцевъ и открытые разбои въ городахъ среди бѣла дня—вотъ результаты той аграрной политики, которую усердно рекомендовала извѣстная часть столичной и мѣстной печати.

Вообще поземельный бытъ крестьянъ (бывшихъ помѣщичьихъ или государственныхъ, живущихъ на частновладѣльческихъ земляхъ) за это время не только не улучшился, но даже ухудшился. Поднимался вопросъ объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ, но вопросъ такъ и остался вопросомъ и не получилъ практическаго разрѣшенія. Почти одновременно мѣстная администрація разрабатывала вопросъ объ упраздненіи должностей мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей и передачѣ ихъ дѣлъ будущимъ крестьянскимъ начальникамъ. Но, ко всеобщему удовольствію, инициаторы этого дѣла не успѣли довести его до конца, и должности столь неудачныхъ въ дру-

гихъ мѣстностяхъ крестьянскихъ де-
 чальниковъ у насъ не были введены.

А то, что успѣла сдѣлать бывшая администрація края за восемь лѣтъ своего управленія, было бы желатель- но подвергнуть теперь коренному пересмотру, такъ какъ результаты этой дѣятельности уже налицо и жизнь уже произнесла надъ нею свой приговоръ. Мало этого. Необходимо дать обществу гарантіи въ томъ, что не вернутся никогда подобныя мрачныя времена.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать новой администраціи успѣш- наго выполненія этой очень важной для умиротворенія края задачи.

Январь, 1905 г.

საქართველოს
საზოგადოებრივი

Изъ театральныхъ воспоминаній.

(Къ юбилею грузинской сцены).

I.

22-го іюня настоящаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня утвержденія устава грузинскаго драматическаго общества. Этотъ день грузинское общество готовится отпраздновать достойнымъ образомъ. По этому случаю да будетъ позволено мнѣ подѣлиться съ читателями воспоминаніями объ основаніи новаго грузинскаго театра (старымъ грузинскимъ театромъ называю театръ, основанный кн. М. С. Воронцовымъ и просуществовавшій лишь нѣсколько лѣтъ). Это тѣмъ болѣе нелишне, что изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ грузинскихъ театральныхъ дѣлахъ въ то время, осталось въ живыхъ теперь не очень много. Настоящія строки, быть можетъ, дадутъ исторіку грузинскаго театра кое-какой матеріаль.

Грузинскій театръ родился не много ранѣе грузинскаго драматическаго общества. Онъ былъ основанъ въ зиму 1878—79 гг. Кружокъ любителей, создавшій постоянную грузинскую сцену, почти одновременно возбудиль ходатайство объ учрежденіи драматическаго общества. Но такъ какъ утверженіе устава общества было сопряжено съ разными формальностями, то, не ожидая утверженія устава, кружокъ принялся за работу.

Мысль о возобновленіи постоянной грузинской сцены давно зрѣла въ грузинскомъ обществѣ. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ тифлисскихъ клубахъ довольно часто давались грузинскіе спектакли. Они участились въ началѣ 70-хъ годовъ и часть сбора откладывалась на основаніе въ будущемъ постоянной сцены. Но все это велось любителями какъ-то небрежно и постоянной сцены все не создавалось.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда изъ Одессы, гдѣ я учился, въ Тифлисъ въ

1875 или 1876 г. мнѣ пришлось видѣть на казенной сценѣ (лежавшей въ саду) пьесы Г. Сундукіанца—„Пепо“, а затѣмъ и „Хатабала“—на грузинскомъ языкѣ. Играли частью армянскіе артисты, частью грузинскіе любители. И пьесы, и исполненіе, какъ помню, приводили всѣхъ въ восторгъ. Грузинскіе любители—В. Абашидзе, Ел. Кипіани (впослѣдствіи Лордкипанидзе), Конст. Кипіани, Ел. Казбекъ, Шишніевъ, играли такъ хорошо, что можно было подумать, что видишь не любителей, а опытныхъ артистовъ.

У меня явилось страстное желаніе написать что-нибудь для грузинской сцены. Въ 1877 году я перевелъ съ французскаго комедію Мольера „Жоржъ Данденъ“ и напечаталъ въ своемъ альманахѣ на 1878 г.

Осенью того же года въ Тифлисѣ пріѣхалъ изъ Петербурга студентъ кн. І. З. Андрониковъ (инженеръ) и обратился ко мнѣ, какъ къ своему старому школьному товарищу, съ прось-

бой устроить спектакль въ пользу студентовъ. Я помогъ чѣмъ могъ, а далъ только-что переведенную мною пьесу „Жоржъ Дандень“ и предоставилъ для репетицій помѣщеніе редакціи „Тифлисскаго Вѣстника“, гдѣ я тогда работалъ. Обѣщаль я также мусировать спектакль въ газетѣ. Но важнѣе всего было найти любителей, которые приняли бъ участіе въ спектаклѣ. И мы нашли ихъ не безъ затрудненій. К. Кипіани и его сестры, какъ и Е. Казбекъ, какъ помнится, не было въ то время въ Тифлисѣ.

Намъ удалось привлечь къ участію въ спектаклѣ изъ старыхъ любителей: кн. В. Авалову (впослѣдствіи артистку, игравшую первыя роли), Н. Я. Авалова (впослѣдствіи режиссера постоянной труппы и члена правленія грузинскаго драматическаго общества) и В. А. Абашидзе (впослѣдствіи артиста). Нашли мы и нѣсколько повичковъ. Изъ нихъ помню М. М. Сапарову, Авкс. Цагарели и З. Мачабели, которые впослѣдствіи также вошли въ

составъ постоянной грузинской труппы.

Особенно насъ радовало участие М. М. Сапаровой. Она выступала на сценѣ впервые, по рекомендаціи редактора газеты „Дрозба“ С. Месхи, но первый же дебютъ ея оказался удачнымъ. Уже на репетиціяхъ мы замѣтили, что у нея недюжинный талантъ. Роль субретки она сыграла превосходно. Авкс. Цагарели выступалъ на сценѣ тоже впервые. Онъ былъ рекомендованъ намъ кн. Д. Г. Эристовымъ. Цагарели прекрасно вызубрилъ свою роль, провелъ ее старательно, но было замѣтно, что изъ него выйдетъ только utilité. Ничто не предвѣщало еще въ немъ будущаго талантливаго драматурга.

Спектакль сошелъ въ общемъ удачно и кружокъ, окрыленный успѣхомъ, сталъ подумывать объ основаніи постоянного театра. Начался рядъ совѣщаній на моей квартирѣ и въ помещеніи фотографіи Роинова. Въ совѣщаніяхъ кромѣ вышеназванныхъ лю-

бителей принимали участие въ некоторые представители мѣстной интеллигенции: кн. Д. Г. Эристовъ, А. И. Сараджевъ, I. З. Бакрадзе, П. I. Умикашвили и друг.

Изъ нашего кружка, какъ ячейки, постепенно должна была образоваться постоянная труппа. Такъ какъ нельзя было рассчитывать найти мецената, который содержалъ бы труппу на свой или казенный счетъ, какъ это было при кн. Воронцовѣ, и такъ какъ, съ другой стороны, трудно было найти и антрепренера, въ виду новизны и рискованности предпріятія, то мы рѣшили создать дѣло на товарищескихъ началахъ. Одна половина дохода со спектаклей, которые предполагалось дать въ теченіе зимы, должна была итти въ пользу исполнителей. Это было необходимо, чтобы нуждающіеся любители привязались къ сценѣ и превратились въ профессиональных артистовъ. Другая же половина сборовъ предназначалась для пріобрѣтенія костюмовъ, бібліотеки и прочаго

имущества, необходимаго для будущей постоянной сцены.

Это была переходная фаза от любительских спектаклей къ спектаклямъ постоянной труппы. Исполнителями были *любители*, но уже готовящіеся перейти на положеніе артистовъ. Изъ лучшихъ исполнителей должна была сьорганизоваться въ скоромъ времени постоянная труппа.

Это переходное состояніе, эти опыты были необходимы, потому что изъ старыхъ любителей почти никто не шелъ въ артисты, а новыхъ подобрать сразу было трудно.

Кн. В. Авалова, Ел. Кипіани, Ник. Аваловъ и др. могли бы составить украшеніе любой сцены, но на нихъ, какъ сказано, трудно было разсчитывать. Патріархальные нравы не позволяли женщинамъ изъ общества итти на сцену. Мужчины считали гадательнымъ заработокъ артиста.

Новыхъ исполнителей нужно было искать въ болѣе демократической средѣ. Они находились, но среди нихъ

было очень мало такихъ, которые могли бы выработаться въ настоящихъ артистовъ.

Приходилось искать все новыхъ и новыхъ. Одну талантливую исполнительницу среди новыхъ, какъ выше было сказано, мы уже нашли. Это была М. М. Сапарова, которая продолжала играть въ нашихъ спектакляхъ и завоевывала въ публикѣ все болѣе и болѣе симпатій. Но дѣло въ томъ, что родственники разрѣшили ей поступить въ будущую постоянную труппу, на правахъ профессиональной артистки, только въ томъ случаѣ, если она къ тому времени выйдетъ замужъ. Такимъ образомъ поступленіе ея на сцену являлось гадательнымъ. Почти всю зиму мы томились такою неизвѣстностью. И, Боже мой, какъ мы обрадовались, узнавъ, что В. Абашидзе сдѣлалъ ей предложеніе. В. Абашидзе нашъ кружокъ считалъ истымъ спасителемъ судебъ грузинскаго театра. До этого же и В. Абашидзе считался потеряннымъ для грузинской сцены.

Онъ состоялъ учителемъ гдѣ-то въ провинціи и долго колебался, окончательно на сцену. Зимой онъ не участвовалъ въ нашихъ спектакляхъ и лишь весной у насъ появилась надежда, что онъ, женившись на артисткѣ, самъ окончательно свяжетъ свою судьбу со сценой.

Другой находкой для грузинской сцены была Н. М. Габунія. Она ранѣе въ качествѣ любительницы выступала у себя на родинѣ въ Гори, и тамъ имѣла большой успѣхъ, и какъ исполнительница комическихъ ролей, и какъ пѣвица. Отецъ ея, служившій въ Гори, не желалъ отпустить ее въ Тифлисъ и намъ стоило много стараній, чтобы привлечь ее въ постоянную труппу. Принимая участіе въ нашихъ спектакляхъ, она убѣдилась, что мы не шутимъ, а принимаемся серьезно за дѣло и рѣшила посвятить себя окончательно сценѣ. Впослѣдствіи она вышла замужъ за нашего артиста и драматурга, Авкс. Цагарели.

Для первыхъ ролей были намѣче-

ны еще слѣдующія лица, ^{которые} въ послѣдствіи, дѣйствительно ^{вошли} въ труппу, въ качествѣ постоянныхъ артистовъ:

К. Д. Кипіани, хорошій резонеръ и артистъ на сильныя драматическія роли. Жилъ до этого въ деревнѣ.

К. С. Месхи—исполнитель характерныхъ ролей имеретинъ и драматическихъ ролей иностраннаго репертуара. Жилъ въ Кутаисѣ.

Оба они успѣли до того выдвинуться на любительскихъ спектакляхъ.

На вторыя роли были намѣчены: Н. Шишніашвили (Томашвили по сценѣ)—простакъ, служилъ въ тифлисскомъ губернскомъ правленіи, общалъ совмѣстить съ казенной службой постоянное участіе въ труппѣ.

Мар. Кипіани, молодая любительница, жила до того въ деревнѣ. За неимѣніемъ артистки на первыя драматическія роли (г-жи Сапарова и Габунія имѣли исключительно комической репертуаръ), М. Кипіани должна

была иногда выступать въ главныхъ роляхъ въ драмѣ.

В. Коринтели, молодая любительница, жила до того въ деревнѣ. Вышла затѣмъ замужъ за нашего суфлера Г. Ө. Кишидзе (впослѣдствіи фактическаго редактора газеты „Иверія“).

Авкс. Цагарели, о которомъ я говорилъ выше. Онъ добросовѣстно исполнялъ небольшія роли простаковъ, а иногда выступалъ и въ драмахъ.

Кн. З. Мачабели, драматическій любовникъ, жилъ до того, въ качествѣ помѣщика, въ деревнѣ.

Но недостаточно было, конечно, только намѣтить составъ труппы. Необходимо было сплотить этотъ разнородный и непривычный къ городской жизни составъ въ одно крѣпкое цѣлое. Необходимо было найти хорошихъ для нихъ руководителей—режиссера и администратора. Необходимо было создать новый репертуаръ, такъ какъ старый достаточно пріѣлся. Необходимо было найти капиталъ, чтобъ обезпечить существованіе труппы.

пы хоть на нѣсколько лѣтъ. Необходимо было, наконецъ, найти зданіе, гдѣ бы постоянно давались спектакли, такъ какъ клубныя сцены были неудобны, а казенный театръ былъ для насъ малодоступенъ. Всѣ эти сложные вопросы пришлось разрѣшить въ одну зиму, въ 1878—79 гг., когда нашъ кружокъ давалъ вышеупомянутые пробныя спектакли.

II.

Въ то время (1878—79 гг.) бытовой репертуаръ состоялъ почти исключительно изъ десятка пьесъ Г. Эристова, З. Антонова и Г. Сундукіанца. Комедіи первыхъ двухъ драматурговъ были, какъ я уже сказалъ, совершенно заѣзжены, а пьесы Г. Сундукіанца хотя и были новы, но все же извѣстны публикѣ и слишкомъ часто давать ихъ было невозможно.

Чтобы создать новый бытовой репертуаръ, нашъ кружокъ обратился почти ко всѣмъ корифеямъ грузинской литературы: къ кн. Ак. Цере-

тели, Раф. Эристову, Г. Церетели и др. Мы старались также привлечь к этому дѣлу и молодыхъ, начинающихъ писателей. Къ намъ стали уже поступать пьесы послѣднихъ, которыя, къ сожалѣнію, оказывались большею частью неудачными. Изъ молодыхъ писателей болѣе другихъ выдвинулся Авкс. Цагарели и мы поспѣшили его пьесу премировать („Другія нынче времена!“). Это былъ, кажется, первый примѣръ выдачи гонорара грузинскому драматургу. Вторую премію получилъ кн. Раф. Эристовъ за одноактную передѣлку „Комедія съ дядюшкой“ („ბოძიანსთაბ ჯამაზუბრედა“).

Разсчитывать, однако, на быстрый ростъ бытового репертуара было бы напрасно, въ виду бѣдности литературныхъ силъ. Въ переводѣ имѣлись пьесы Шекспира и Мольера. Исполненіе Шекспира было непосильно для только что зарождающейся труппы и мы ограничились Мольеромъ. Но этого, конечно, было слишкомъ недостаточно. Нужно было спѣшить перево-

дить и передѣлывать болѣе легкія для исполненія пьесы. Въ этомъ отноше-
ніи намъ были очень полезны два ли-
ца: кн. Д. Г. Эристовъ и кн. И. Г.
Мачабели.

Кн. Д. Г. Эристовъ—сынъ основа-
теля стараго грузинскаго театра и
извѣстнаго драматурга, кн. Г. Эри-
стова, очень сочувствовалъ нашему
кружку, но не вступалъ въ него, не-
смотря на всѣ наши старанія. Онъ
былъ нервенъ и все какъ-то не схо-
дился съ любителями, изъ которыхъ
нѣкоторые были еще мало дисципли-
нированы для правильно-организован-
ной сцены. Онъ рѣшительно откло-
нилъ наше предложеніе стать во гла-
вѣ дѣла. Но зато онъ обѣщаль пере-
дѣлать много такихъ пьесъ, которыя
вполнѣ подходили бы къ нашей труп-
пѣ. Онъ избралъ легкія французскія
комедіи, преимущественно уже пере-
дѣланныя по-русски В. Крыловымъ
(Александровымъ). Первую пьесу въ
этомъ родѣ „Гево, Минасъ и комп.“
мы поставили въ одинъ изъ пробныхъ

нашихъ спектаклей, весной 1879 г. но она имѣла посредственный успѣхъ, такъ какъ мало подходила къ грузинскимъ правамъ. Болѣе позднія передѣлки имѣли большой успѣхъ, а черезъ два года онъ далъ грузинской сценѣ передѣлку изъ Сарду „Родину“, имѣвшую шумный успѣхъ.

Грузины-студенты петербургскаго университета, услышавъ о зарожденіи на Кавказѣ постоянной грузинской сцены, составили кружокъ съ цѣлью переводить лучшія иностранныя пьесы. Душой этого кружка былъ кн. И. Г. Мачабели. Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ весной 1879 г. и привезъ намъ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ мы поставили наиболѣе подходящія къ силамъ труппы (о нихъ будетъ рѣчь впереди).

Въ виду того, что въ нашей популярной, полу-артистической труппѣ были недюжинные исполнители комическихъ ролей, то мы не пренебрегали и переводными водевилями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли большой

успѣхъ, главнымъ образомъ, благодаря г-жѣ Сапаровой и В. Абашидзе, и по желанію публики были повторены.

Въ теченіе описываемаго сезона (1878—79 гг.) было поставлено нашимъ кружкомъ 13 спектаклей. Давались частью старыя, извѣстныя публикѣ, пьесы, частью совершенно новыя *).

*) Приводимъ репертуаръ: 1) въ октябрѣ: „Жоржъ Данденъ“ и „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“; 2) въ ноябрѣ: „Хочу быть княгиней!“ З. Антонова и „Вспышка у домашняго очага“; 3) въ декабрѣ: „Продѣлки Скапена“, Мольера, и „Вотъ такъ жена!“, В. Абашидзе; 4) въ январѣ: „Заколдованный ханъ“, Г. Эрстова, и „Любовь особаго рода“, И. Баратова; 5) въ февралѣ: „Врачъ по неволѣ“, Мольера, и „Ревность“, Раф. Эрстова; 6) въ мартѣ: „Еще одна жертва“, Г. Сундукіанца, и „Вотъ такъ жена!“, В. Абашидзе; 7) въ мартѣ же: „Гео, Минасъ и коми.“ и „Любовь особаго рода“; 8) въ апрѣлѣ: „Мнимый больной“ и „На хлѣбъ и на воду“; 9) въ маѣ: „Сцены изъ временъ освобожденія крестьянъ“, „Вспышка у домашняго очага“ и „На хлѣбъ и на воду“; 10) въ

Въ виду того, что въ нихъ принимали участіе лучшія любительскія силы, сборъ со спектаклей у насъ бывалъ немалый. Никогда чистый сборъ ниже 170 руб. не падалъ, хотя намъ приходилось кочевать изъ одного помѣщенія въ другое. Сначала давались спектакли въ Нѣмецкомъ клубѣ (бывш. домъ Читахова, нынѣ Мдивани, противъ нынѣшняго Артистическаго общества), затѣмъ въ залѣ Музыкальнаго общества (на Солдатскомъ базарѣ, въ домѣ армянской семинаріи), во вновь отстроенномъ театрѣ Арцруни (нынѣ дворянства) и, наконецъ, въ казенномъ лѣтнемъ театрѣ (въ инженерномъ саду).

Половину сборовъ, какъ уже было сказано, нашъ кружокъ отчислялъ въ гонораръ исполнителямъ, другую помаѣ же: „Затменіе солнца въ Грузіи“; 11) въ іюнѣ: „Врачъ по неволѣ“, „Вотъ такъ жена“ и „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“; 12) въ іюнѣ же: „Мнимый больной“ и „Мотя“; 13) въ іюнѣ же: „Пено“. Изъ этихъ спектаклей 1-й, 6-й и 7-й были даны съ благотворительною цѣлью.

ловину—откладывалъ на приобретение театральнаго имущества. Къ этимъ сбереженіямъ прибавились: 1) сумма, оставшаяся отъ книгоиздательскаго товарищества, которое состояло изъ меня, П. Умикова, А. И. Сараджева и др. и затѣмъ прекратило существованіе, издавъ нѣсколько книгъ (Н. Баратова, Ал. Чавчавадзе и друг.) и 2) сумма, оставшаяся отъ прежнихъ любительскихъ спектаклей и переданная намъ П. Умиковымъ. Всего набралось около 800 руб.

Успѣхъ этихъ пробныхъ спектаклей и сбора пожертвованій окрылили наши надежды и мы выдѣлили изъ себя кружокъ, получившій громкое имя „комитетъ“. На этотъ „комитетъ“ было возложено продолжать сборы пожертвованій и составить постоянную трупу.

Въ этотъ нашъ кружокъ весной 1879 г. вошли слѣдующія лица:

Д. И. Кишіани, только-что оставившій должность тифлисскаго городского головы;

Ник. Як. Авалишвили, бывший редакторъ журнала „Мнатоби“, членіе всего сезона режиссировавшій наши спектакли и иногда игравшій;

Ал. Ив. Сараджевъ, впоследствии редакторъ газеты „Иверія“ (въ нашемъ кружкѣ разсматривалъ пьесы);

Иос. З. Бакрадзе, переводившій пьесы Г. Сундукіанца и завѣдывавшій у насъ денежною частью;

и я, на котораго возложена была организація труппы и административная часть.

Получивъ порученіе составить труппу, я горячо принялся за дипломатическіе переговоры съ наиболее выдающимися любителями, принимавшими участіе въ нашихъ пробныхъ спектакляхъ. Вель я переговоры не только съ любителями, но и съ ихъ родственниками, что требовалось для успѣха дѣла. Но всѣ эти переговоры, новидимому, были малоуспѣшны. Я понялъ, что необходимо прежде всего матеріально обезпечить будущую труппу.

Возникла мысль обратиться за со-
дѣйствіемъ къ тифлисскому дворян-
скому земельному банку. По уставу
последняго, 45% чистой прибыли от-
числялись на общепользныя нужды
земледѣльческаго и землевладѣльче-
скаго классовъ населенія Тифлисской
губерніи. Обращеніе мое къ банку за
содѣйствіемъ было встрѣчено его
правленіемъ довольно холодно. „У
банка, конечно, есть свободные рес-
сурсы (тогда еще не было дворянской
школы), говорили заправила банка,
но уставъ не позволяетъ помочь вамъ.
Что общаго у театра съ интересами
земледѣльческаго и землевладѣльче-
скаго классовъ?“ Другой тормозъ для
нашего ходатайства заключался въ
нехорошей славѣ прежнихъ любите-
лей. Они тоже собирали деньги на
театръ, но сборы своей цѣли, какъ
говорили, не всегда достигали.

Въ виду этого, предъ общимъ со-
браніемъ членовъ банка, необходимо
было подготовить общество. Съ этою
цѣлью мною было написано нѣсколь-

ко замѣтокъ и статей въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“. Съ этою же цѣлью на-
шимъ „комитетомъ“ во главѣ съ Д. И. Кипиани было созвано на частное со-
вѣщаніе нѣсколько видныхъ предста-
вителей высшаго общества: кн. І. А. Андрониковъ, кн. Вахт. В. Орбелиани, К. Х. Мамацевъ и др. На этомъ со-
вѣщаніи мы доказывали, что у насъ, въ противность прежнимъ любителямъ, весьма серьезныя намѣренія. Кромѣ того, мы обѣщали дать нѣсколько спектаклей въ пользу будущей дворянской школы, которой банкъ имѣлъ въ виду оказать широкую поддержку.

Эти же взгляды я развивалъ и въ общемъ собраніи членовъ банка, которое раскошенилось и постановило отпустить намъ три тысячи рублей. При этомъ намъ было поставлено на видъ, что деньги будутъ отпущены по осуществленіи нами задуманнаго дѣла.

Послѣ этого быстрѣе пошла организація труппы. Въ нее вошли артисты, которые были нами намѣчены и о которыхъ уже упоминалось выше.

Кое-какъ мы согласили и Эристовъ взять на себя режиссерскую часть, хотя бы на самое короткое время. Труппа была организована на паевыхъ началахъ, по марочной системѣ. Система эта только-что примѣнялась въ русскихъ провинціальныхъ труппахъ. Я ее заимствовалъ у покойнаго драматурга А. И. Пальма, сына котораго въ то время въ Тифлисѣ держали труппу тоже на товарищескихъ началахъ. Общее же руководство дѣлами труппы оставалось за нашимъ „комитетомъ“.

Это случилось въ маѣ 1879 г. Но такъ какъ лѣтомъ въ Тифлисѣ поживы не было, то вновь организованная труппа при нашемъ содѣйствіи предприняла путешествіе по провинціи, гдѣ повторяла уже игранныя ею въ Тифлисѣ пьесы. Спектакли эти въ провинціи имѣли большой успѣхъ, вновь испеченныхъ артистовъ публика принимала очень радушно. Но, къ сожалѣнію, въ труппѣ произошли раздоры, и она, совершенно дезорганизованная,

вернулась въ Тифлисъ раньше ~~указаннаго~~
положеннаго времени, въ ~~положенныя~~
августа.

Мнѣ пришлось вновь организовать труппу изъ тѣхъ лицъ, которыхъ усиленно я старался помирить между собой. Это мнѣ отчасти удалось. Говорю отчасти, потому что у сьорганизованной, такимъ образомъ, труппы режиссера не оказалось. Кн. Д. Эрстовъ, узнавъ объ упомянутой внутренней междоусобицѣ, отказался наотрѣзь отъ режиссерства. Артисты не сошлись и съ своимъ лѣтнимъ режиссеромъ К. Д. Кишіани. Нашъ кружокъ обращался и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, но всѣ отказывались подъ разными предлогами. Пришлось мнѣ уступить настояніямъ труппы и временно принять на себя режиссерскія обязанности.

При такихъ обстоятельствахъ начались спектакли постоянной труппы въ казенномъ лѣтнемъ театрѣ, съ 1-го сентября 1879 г.

III.

საქართველოს
საზოგადოებრივი

Первый сезонъ грузинской постоянной труппы въ общемъ былъ удаченъ и обнаруживалъ все признаки дальнѣйшей жизнеспособности, если не принять въ расчетъ нѣкоторыхъ внутреннихъ раздоровъ, столь неизбежныхъ во всякой новой, еще не дисциплинированной труппѣ.

Сборы были немалые, публика, видимо, сочувствовала нашему дѣлу, было поставлено много новыхъ пьесъ, исполнители нерѣдко увлекали зрителей своей талантливой игрой.

Многія пьесы были написаны специально по случаю основанія театра и многія изъ новыхъ пьесъ положительно имѣли успѣхъ. Упомяну здѣсь о слѣдующихъ: „Другія нынче времена!“, комедія А. Цагарели; „Кинто“, комедія Ак. Церетели; „Оракуль“, сказка П. Умикашвили; „Опора семьи“, Г. Церетели; „Комедія съ дядюшкой“ перед. кн. Раф. Эрнстова.

Имѣли также успѣхъ передѣлки

изъ Гольдони, Крылова (Александрова), Островскаго и др.

Увлеченный общимъ воодушевленіемъ, даже я рискнулъ написать пьесу—„Счастливица“, сцены въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Это, признаюсь, были лишь слабые эскизы; но благодаря новымъ типамъ и особенно талантливой игрѣ исполнителей сцены эти имѣли нѣкоторый успѣхъ и были повторены.

Вообще новыхъ пьесъ было не мало. Нѣкоторыя изъ нихъ мы отложили на слѣдующій сезонъ. Таковы: „Адвокатъ Меладзе“ (передѣлка изъ классическаго „Адвоката Пателена“), кн. И. Г. Мачабели; „До поры, до времени“ (Алекс.) и „Откуда сырборъ загорѣлся“ (Мельяка), перед. кн. Д. Эристова и пр.

Въ улучшеніи репертуара принимали участіе почти всѣ члены „комитета“. Послѣдній, кстати замѣтить, въ теченіе сезона обновился. Изъ него выбылъ А. И. Сараджевъ, по случаю служебной командировки въ Ахаль-

Теке, и вошли въ „комитетъ“ по при-
 глашенію послѣдняго, четыре новыхъ
 члена: кн. Ил. Г. Чавчавадзе, кн. Д. Г.
 Эристовъ, кн. И. Г. Мачабели и Д. З.
 Сараджевъ.

Въ теченіе сезона было дано 27
 спектаклей, т. е. отъ 4 до 5 въ мѣ-
 сяцъ. Изъ нихъ въ Тифлисѣ были
 поставлены 26, въ Гори—1. „Коми-
 тетъ“ передѣлалъ на свой счетъ го-
 рійскую ротонду, гдѣ предполагалъ по
 временамъ ставить спектакли, силами
 тифлисской труппы.

Отъ этихъ спектаклей поступило
 10,948 руб. 50 коп., или по 405 руб.
 50 коп. съ cadaго представленія.
 Вслѣдствіе стараній „комитета“ были
 заведены абонементы, которые даже
 мванную аристократію приучили къ
 посѣщенію грузинскаго театра.

Но указанной суммы не было до-
 статочно на удовлетвореніе артистовъ
 и „комитетъ“ поспѣшилъ притти къ
 нимъ на помощь. Имъ было выдано
 въ теченіе зимы около 1600 р., изъ
 которыхъ труппа успѣла вернуть лишь

35 руб. Для поощренія артистовъ были устроены также бенефицы. Нефиціантъ отчислялъ изъ сбора 200 руб. въ средства труппы; остальная же часть сбора принадлежала ему.

Содержаніе артистамъ въ первый годъ выдавалось въ ничтожномъ размѣрѣ—отъ 30 до 60 руб. въ мѣсяць. Впослѣдствіи эта норма понемного повышалась.

Составъ труппы въ теченіе почти всего сезона не мѣнялся. Лишь временно прекратили участіе въ спектакляхъ, сколько помню, только К. Д. Кириани и В. Коринтели, которые впослѣдствіи опять вернулись въ труппу.

Моя надежда найти хорошаго режиссера не оправдалась. Миѣ удавалось лишь временно замѣнять себя другимъ, болѣе опытнымъ режиссеромъ. Для постановки, напримѣръ, „Жоржа Дандена“ Мольера мною былъ приглашенъ извѣстный русскій артистъ Андреевъ-Бурлакъ, который въ

то время игралъ въ Тифлисѣ, въ рус-
ской труппѣ; для пьесъ Г. Суиду-
кіанца — прекраснымъ режиссеромъ
являлся авторъ, какъ равно для пе-
редѣлокъ кн. Д. Эрнстова былъ луч-
шимъ режиссеромъ самъ же кн.
Д. Эрнстовъ. Мнѣ помнится, что одинъ
или два раза былъ приглашенъ та-
лантливый любитель кн. М. П. Бебу-
товъ (инженеръ, нынѣ покойный).
Иногда я прибѣгалъ къ помощи глав-
ныхъ артистовъ нашей труппы. Кро-
мѣ того, кн. Д. Г. Эрнстовъ взялся
познакомить артистовъ съ элементар-
ными требованіями декламаторскаго
искусства.

Въ началѣ моя режиссерская и
администраторская дѣятельность об-
легчалась тѣмъ, что артисты довѣряли
моему безпристрастію и прислушива-
лись къ моимъ замѣчаніямъ. Черезъ
мѣсяца 2—3, однако, нѣкоторые ар-
тисты ко мнѣ немного охладѣли. При-
чиной къ тому послужило, во-пер-
выхъ, то, что нѣкоторые изъ нихъ
не были привычны къ систематиче-

скому труду и имъ было тяжело ^и ^{не} ^{было} ^{возможности} ^{полнять} ^{мои} ^{указанія} (они ^{часто} ^{не} ^{учили} ^{ролей} и неаккуратно являлись на репетиціи), и, во-вторыхъ, труппа, какъ это часто бываетъ и въ другихъ мѣстахъ, разбилась на нѣсколько взаимно-враждующихъ партій, а я счелъ нужнымъ остаться внѣ партій.

Были у меня и у „комитета“ кое-какія непріятности и съ нѣкоторыми авторами, пьесы которыхъ мы отказались премировать или поставить на сценѣ. Эти же писатели являлись нашими судьями, въ качествѣ газетныхъ рецензентовъ. Трудно было, конечно, ждать отъ нихъ безпристрастныхъ отзывовъ.

Къ концу сезона, передъ масляницей, до того обострились отношенія артистовъ и нѣкоторыхъ представителей печати къ нашему товариществу, что артисты (върнѣе, большинство изъ нихъ) напечатали въ газетахъ письмо, въ которомъ извѣщали публику, что они не желаютъ нашего

руководительства и въ „комитетъ“ избирають другихъ лицъ. Еще до этого я отказался отъ обязанностей режиссера, видя недисциплинированность нѣкоторыхъ артистовъ.

Наше товарищество, не находя возможнымъ продолжать дѣло при такомъ отношеніи артистовъ, распустило ихъ и рѣшило образовать новую труппу. Въ новую труппу оно принимало и тѣхъ изъ прежнихъ артистовъ, которые заявили о своемъ согласіи подчиняться распоряженіямъ товарищества.

Черезъ нѣсколько дней въ новую труппу вступилъ весь составъ прежней труппы, всѣ вчерашніе протестанты.

Лично мнѣ въ эту зиму пришлось пережить много тревоженій. Капризы, раздутыя самолюбія нѣкоторыхъ любителей и артистовъ причиняли мнѣ много неприятностей.

Одинъ любитель былъ обиженъ тѣмъ, что я его не принялъ въ постоянную труппу и желалъ пользо-

ваться его услугами лишь изрѣдка, въ случаѣ недостатка въ артистахъ. Онъ поймалъ меня на бульварѣ и, потрясая дубиной, сталъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекать меня. Малѣйшая безтактность съ моей стороны могла бы вызвать потасовку и дискредитировать наше новое, и безъ того хрупкое дѣло. Я успѣлъ смягчить гнѣвъ моего опаснаго собесѣдника готовностью извиниться передъ нимъ, если товарищескій судъ признаетъ меня виноватымъ.

Другой разъ я не согласился уступить одному артисту день, предназначенный для спектакля труппы. Этимъ я его привелъ въ сильный гнѣвъ и онъ бросился на меня за кулисами. Стоявшіе между нами товарищи помѣшали намъ вѣднаться другъ въ друга.

Было нѣсколько стычекъ у меня и съ другими, но въ менѣе рѣзкой формѣ. Всѣ эти огорченія я, однако, скоро забылъ, такъ какъ былъ я счастливъ тѣмъ, что мнѣ удалось при-

нять участіе въ великомъ дѣлѣ возрожденія народнаго театра.

По окончаніи зимняго сезона, было дано 2—3 спектакля великимъ постомъ, а на лѣто была распущена труппа. Съ осени наше товарищество прекратило свое существованіе, такъ какъ представленный нами за годъ до того уставъ грузинскаго драматическаго общества былъ утвержденъ надлежащею властью и общество это начало уже функционировать. Въ правленіе въ числѣ другихъ былъ избранъ и я. Я принялъ на себя скромную должность казначея. Но видя, что драматическое общество не принимаетъ активнаго участія въ дѣлахъ труппы, я вскорѣ почти совсѣмъ оставилъ общество. Антрепризу принялъ на себя кн. Ак. Церетели и онъ велъ спектакли въ теченіе второго зимняго сезона (1880—81 гг.). Я отсталъ отъ грузинскаго театра до 1886 года и лишь издали радовался, что дѣло его не погибло, несмотря на неурядицы въ труппѣ, несмотря на ча-

стыя смѣны ея руководителей и на инертность драматическаго общества.

Въ 1886 г. П. Умикашвили, живо интересовавшійся судьбами родной сцены, сообщилъ мнѣ, что общее собраніе членовъ драматическаго общества избрало меня и моихъ старыхъ товарищей по „комитету“ въ правленіе общества. Нѣкоторые члены общества и артисты просили насъ вернуться къ своему старому дѣлу и мы снова взялись за него. Предсѣдателемъ правленія былъ избранъ я, товарищемъ предсѣдателя кн. Д. Г. Эристовъ, членами правленія: Н. Авалишвили, кн. І. З. Анорониковъ и др.; режиссеромъ—мой братъ В. М. Тумановъ (онъ же членъ правленія). Въ теченіе 9 лѣтъ, послѣ того, вели мы дѣло устройства грузинскихъ спектаклей: то сами держали труппу, то составляли для нея товарищество, оставая за собой лишь общее руководство и выдавая ей субсидію. Такъ вели мы дѣло, пока народилась въ грузинскомъ обществѣ молодежь,

серьезно интересовавшаяся родной сценой. А затѣмъ мы, старые служители, ввѣрили судьбу театра этой молодежи и сами ступшевались.

Первый, самый трудный періодъ грузинскій театръ уже пережилъ. Опасаться за его судьбу уже не надо. 26 лѣтъ прожить—не поле перейти. Онъ въ борьбѣ за существованіе окрѣпъ и впредь будетъ только совершенствоваться.

1905 г.

штрафу въ 300 рублей, а одинъ изъ
судей остался при особомъ ^{мнѣнн}
требуя для меня кромѣ ^{еще} штрафа
тюремнаго заключенія на два мѣсяца.
Бродовская осталась недовольна при-
говоромъ суда, и очень можетъ быть,
что палата, куда должно было дѣло
перейти, присудила бы меня и къ
штрафу, и тюремному заключенію, ес-
ли бы моя обвинительница не успѣла
умереть еще до разбирательства дѣла
палатой. Такъ я долженъ былъ быть
наказанъ за простое исполненіе свое-
го нравственнаго долга передъ обще-
ствомъ. Давно и общество, и печать,
и даже само правительство (при со-
ставленіи новаго уложенія) признали
существующій законъ о диффамаци
безсмысленно жестокимъ, но законъ
этотъ все же продолжаетъ дѣйстви-
вать. Давно всѣми осужденъ произ-
воль администраціи въ отношеніи пе-
чати, но этотъ произволь продол-
жаетъ свирѣпствовать и въ жизни, хо-
тя на бумагѣ и провозглашена свобо-
да печати, хотя манифестъ 17-го ок-

тября формально и не отмѣненъ до сихъ поръ.

УДРПЗБЗУА
ЗПЗУАПРПЗЗЗ

Поправка

Въ очеркѣ о кн. К. А. Бебутовѣ (см. выше, стр. 51) имѣется ссылка на статью „Банковіада“, которая должна была войти въ настоящую книгу. Въ виду того, что названная статья, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не включена въ настоящую книгу, упомянутую ссылку нужно считать недѣйствительной.

თარგმანები
ზნობრივად

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	3
И. И. Свѣдѣнцовъ (Ивановичъ)	5
В. Л. Величко	33
Макс. Горькій на Кавказѣ	42
Габр. Сундукіанцъ	55
Авкс. Цагарели	66
Еще объ Ал. Казбекѣ и З. Анто- новѣ	71
Д. Ведремисели (Д. К. Маліева)	82
Абг. Іоаннисіани	92
Ис. Ег. Питоевъ	106
С. К. Зубаловъ	114
П. Умикашвили	122
А. Т. Нанейшвили	133
Кн. Н. Д. Мингрельскій	140
Итоги недавняго кавк. управления	147
Изъ театральныхъ воспоминаній (къ юбилею грузинской сцены)	169